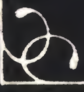
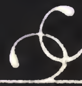

МАРИЯ
ЕВГЕНЬЕВА

Любовники Екатерины

Мария Евгеньева

ЛЮБОВНИКИ ЕКАТЕРИНЫ

Москва

ПОХОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

Екатерина родилась 21 апреля 1729 года.

Отец ее, принц Христиан Август Ангальт-Цербстский был младшим братом маленького немецкого владетельного князя. Принц Христиан Август был очень беден и ему пришлось служить.

Прусский король Фридрих Великий дал ему место губернатора Померании. Жена принца Христиана, урожденная Иоанна Елисавета Гольштейн-Готторпская, была в молодости очень красива и вела себя довольно легкомысленно. Ею увлекался прусский король Фридрих Великий, и Екатерина Великая была его незаконной дочерью.

Вот почему эта маленькая немецкая принцесса пользовалась его особенным предпочтением, и прусский король делал все от него зависящее, чтобы выдать свою незаконную дочь за наследника русского престола.

Помимо Фридриха Великого у принцессы Иоанны Елисаветы был еще один возлюбленный — незаконный сын знатного русского вельможи Бецкий, с которым принцесса Ангальт-Цербстская познакомилась, бывая в Париже.

Свой пылкий, увлекающийся темперамент Екатерина Великая унаследовала от матери.

Принц Христиан, по-видимому, не знал о романах своей супруги. Он нежно любил жену и дочь, был образцовым семьянином, управлял Померанской провинцией и командовал пехотным Ангальт-Цербстским полком.

Жили родители Екатерины бедно, не во дворце, а в обыкновенном доме, и маленькая София Августа Фредерика Эмилия играла на городской площади с детьми штетинских бюргеров. Когда к принцессе приходили гости — жены видных горожан, — то маленькой Софихен приказывали целовать им руки или подол платья.

Относительно воспитания Екатерины Второй историки расходятся. Одни говорят, что ей почти не давали образования, но из ее записок известно, что у нее в детстве была гувернантка, француженка mademoselle Кардель, и два учителя, капеллан Перо и преподаватель чистописания Лоран. Учили ее и музыке, и немец Религ давал ей уроки на клавесине.

По словам Екатерины Великой, ее гувернантка нигде не училась, но была очень развитая и начитанная девушка. Благодаря ей Екатерина рано познакомилась с Расином, Корнелем и Мольером, хотя учитель немецкого языка Ватер старался внушить ей любовь к немецкой литературе.

Мать обращалась с дочерью очень жестоко, награждая ее пощечинами за каждый пустячный проступок. По-видимому, это была грубая, сластолюбивая и жестокая немка, очень гордившаяся своим родством с русским императорским домом. Ее двоюродный брат, принц Гольштейн-Готторпский, был женат на родной сестре императрицы Елисаветы Петровны, Анне Петровне. А родной брат ее

принц Карл Август, епископ Любский, был женихом Елисаветы Петровны, с которым ее помолвили при жизни ее матери императрицы Екатерины Первой. Елисавета Петровна страстно любила своего жениха, но он заболел незадолго до свадьбы и умер, к безграничному отчаянию своей невесты, которая всю жизнь с тоской вспоминала о нем.

Гольштейн-Готторпский дом по всем этим причинам был особенно мил сердцу Елисаветы Петровны. Вступив на престол и сослав маленького царя Иоанна Антоновича Брауншвейгского с родителями в Архангельскую губернию, Елисавета Петровна сейчас же выписала своего племянника принца Карла Ульриха, окрестила его в православную веру, назвала Петром и назначила наследником престола.

Цесаревич вырос, и Елисавета Петровна пожелала женить его, чтобы обеспечить престолонаследие.

Прусский король выдвинул первой кандидаткой принцессу Фредерику Амалию Ангальт-Цербстскую, упомянув, что она родная племянница покойного любимого жениха Елисаветы.

Елисавету растрогало это воспоминание и судьба принцессы Фредерики Амалии была решена. Императрица отправила ее матери Иоанне Елисавете очень любезное письмо. приглашая ее посетить русский императорский двор вместе с дочерью. Зная, что принц Ангальт Цербстский очень беден, Елисавета просила не тратиться на приготовления, потому что обеим принцессам будет предоставлено все за счет русской казны.

Петру сватали дочь польского короля Марианну и одну из французских принцесс. Но Фридрих Великий не хотел союза русского царского дома с Саксонией и Польшей. Он предложил принцессу Гассен-Дармштадтскую, если Екатерина не понравится Петру или Елисавете.

Цесаревич Петр Федорович пережил очень тяжелую драму. Он полюбил фрейлину Лопухину, мать которой была глубоко ненавистна Елисавете. Когда Петр объявил, что желает жениться на Лопухиной, Елисавета обвинила мать девушки в государственной измене. Красавицу Лопухину старшую судили, вырезали ей язык и сослали в Сибирь после позорного наказания плетью на Троицкой площади, где всегда происходили казни.

Уверяют, что Елисавета Петровна мстила Лопухиной за бесконечные унижения, которым подвергала ее эта любимая статс-дама Анны Иоанновны, чтобы угодить императрице, всегда ненавидевшей Елисавету. Например, Лопухина однажды пригласила весь двор к себе на бал, в том числе и цесаревну Елисавету, Она, по уговору с царицей Анной, подкупила горничных Елисаветы и достала образчик материи, из которой цесаревна шила себе платье к балу. Это была желтая парчовая материя, шитая серебром.

В назначенный день к Лопухиной прибыла императрица с наследницей престола Анной Леопольдовной, с Бироном и блестящей свитой. Лопухина, замечательная красавица, провела их в гостиную, где стены, стулья, диваны и кресла были обиты той материей, из которой сшила себе платье ничего не подозревавшая цесаревна. На-

конец, прибыла Елисавета. Она входит в гостинную. Раздается взрыв хохота. Цесаревна смутилась, потом оглянулась и сразу все поняла... Она сейчас же покинула дом Лорпухиной. Приехав домой, она сорвала с себя желтое платье и долго плакала.

Лопухина впоследствии узнала, что нельзя издеваться над беззащитными людьми. Иногда слабый может сделаться сильным и жестоко отомстить.

Елисавета Петровна считала, что очень кротко поступила с Лопухиной, которая, кроме того, кокетничала с Разумовским. Суд приговорил Лопухину к смертной казни через колесование... Но Елисавета всегда заменяла казнь вырезыванием языка, и при ней этой пытке подвергались тысячи людей. Когда Екатерина, вступив на престол, амнистировала преступников, то Россия наполнилась людьми с отрезанными языками.

На Петра Федоровича эта ужасная драма знатной красавицы, дочь которой он обожал, произвела очень тяжелое впечатление, изломав его характер, и без того исковерканный жестокостями его воспитателя немца Штелина, который не признавал учения без поощрения кулаками.

Маленькая пинцесса Софья Федерика сразу внушила ему отвращение, и он при первом же свидании наедине рассказал мей, что любит Лопухину до сих пор и хотел бы жениться только на ней. Но Софье было безразлично, любит ли ее Петр. Она хотела быть русской царицей. Петру Федоровичу пришлось примириться с предстоящим браком и покориться воле державной тетки. София Федерика осталась в Петербурге, а с нею до дня свадьбы ее мать, которая сразу начала интриговать, желая рассорить Россию с Францией и Австрией. Это ей не удалось, но Елисавета видела ее интриги и знала про ее сношения с прусским королем, но терпела до свадьбы Петра ее присутствие.

9 февраля 1739 года принцесса Иоанна Елисавета прибыла с дочерью в Москву.

Елисавете бойкая девочка очень понравилась, к тому же она порядочно говорила по-французски, а Елисавета это ценила больше всего.

К Софье Федерике приставили двух учителей, Симеона Полоцкого, для обучения ее закону Божью, и Ададурова, преподавателя русского языка.

Мать ее, фанатичная лютеранка, пробовала протестовать против принятия дочерью православия, но Елисавета прямо заявила, что отправит обеих обратно.

Тогда Иоанна Елисавета принялась внушать Софье, что она должна остаться верной лютеранкой в душе. Однако Екатерина всю жизнь была равнодушна к вопросам религии. Воспитанная на Вольтере, она не могла быть религиозной.

У нее оказались блестящие способности. Она жадно училась по-русски, по-латыни, читала Тацита, Вольтера и Дидро, наблюдая в то же время придворную жизнь.

Нравы при дворе царили очень легкие, и Екатерина очень рано научилась флиртовать. Еще невесткой она влюбилась в придворного

Дон Жуана — Чернышева. Неизвестно, был ли у нее с ним настоящий роман, но Чернышев вел себя с принцессой очень дерзко и вызывающе. Петр Федорович заметил ее любовь к Чернышеву и оскорбился. Он начал называть Екатерину невестой Чернышева.

Друзья юной принцессы предупредили ее, что надо оставить роман с Черышевым во избежание разрыва с наследником русской короны.

Чернышева заставили уехать за границу. Он возвратился в Петербург только после свадьбы наследника престола.

Как только Екатерине минуло шестнадцать лет, ее обвенчали с Петром Федоровичем.

Свадьба состоялась очень пышная, торжественная, соблюдены были все старинные обряды.

После венчания был большой бал, а потом императрица, окруженная блестящей свитой, отвела молодых в брачные покои. Жених с мужчинами удалился для переодевания. Императрица сняла с новобрачной княжескую корону, принцесса Гессенская — платье, затем на невесту надели нарядную брачную рубашку и халат.

Когда молодая была готова, императрица привела в спальню молодого мужа, также одетого в нарядный халат и брачную сорочку, присланную Фридрихом Великим.

Новобрачные стали перед Елисаветой на колени, она поцеловала их и благословила. Потом мать новобрачной и принцесса Гессенская с гофмейстерами и статс-дамами уложили их в постель и удалились.

Так просто все делалось в старину.

Однако на другой день по всему дворцу разнеслись печальные вести. Екатерина встала с брачной постели девственницей, как и легла.

Елисавета упрекнула ее, что она не умеет внушить своему мужу страсти. Но прошел месяц, год, а Екатерина была своему мужу чужой, в том смысле, как принято понимать брачный союз.

Елисавета сердилась и приказала Екатерине во что бы то ни стало внушить мужу нежность.

— Мне ничего не стоит любить своего супруга, но его высочество ко мне очень холоден, — отвечала Екатерина.

Петр заболел, и во время его болезни Екатерина завязала роман со шведским посланником графом Поленбергом. Но связь эта длилась недолго. Чернышев возвратился из-за границы, и наглое его обращение с царевной изумляло весь двор. Екатерина сначала не хотела его принять, но он однажды ворвался к ней в спальню.

Екатерина приехала в Россию, имея всего три платья, полдюжины рубах и столько же носовых платков.

Теперь она зажила с необыкновенной роскошью. Елисавета подарила ей огромную сумму денег в личное распоряжение, отвела ей роскошные апартаменты и назначила к принцессе пышную свиту статс-дам и камергеров. Наследница престола научилась сорить русскими деньгами, считая Россию и русскую казну своей личной собственностью. Она наделала долгов, отправила матери много денег.

Мать ее задумала управлять Россией по указке Фридриха Великого, но Елисавета выслала ее из России через несколько дней после свадьбы Екатерины с воспрещением приезжать в Петербург.

Связь Екатерины с Андреем Чернышевым и ее кокетство с его двумя братьями сделались известны Елисавете Петровне. Чернышевых арестовали и посадили в тюрьму, но Екатерина писала Андрею нежные письма и заботилась о своем любимце.

Отношения ее с Петром по-прежнему беспокоили Елисавету. У Екатерины не было и признаков беременности. Пока Чернышев был в тюрьме, Елисавета назначила к Екатерине статс-даму Чоглокову и ее мужа сделала камергером великой княгини. Чоглоковы нежно любили друг друга, но Екатерина увлекла своего камергера, кокетничая с ним, и он охладел к жене.

В это же время за Екатериной начал ухаживать Кирилл Разумовский, будущий малороссийский гетман и брат морганатического мужа Елисаветы Петровны.

Но переписка с Чернышевым продолжалась. Письма передавал камер-юнкер Евреинов. Елисавета перехватила эти письма. Евреинова сослали в Казань, а Екатерине запретили даже переписку с отцом и матерью.

Все иностранцы, окружавшие Екатерину и Петра, были отправлены в Германию. Посланник Фридриха Мардефельде также по просьбе Елисаветы был отозван. Екатерина внушала Елисавете сильные опасения своим честолюбием. Зная, каким путями Елисавета Петровна завладела престолом, Екатерина уже в ранней молодости начала мечтать о захвате власти, и Елисавета прриняла свои меры. Она боялась популярности Екатерины, у которой было много фаворитов и поклонников.

Народ, восторженно приветствовавший дочь Петра Великого, она вступила на престол, теперь охладел к этой жестокой и подозрительной императрице, которая вела очень легкомысленную жизнь, совершенно не занимаясь государственными делами. Елисавета переодевалась пять раз в день, кокетничала, ежедневно устраивала вечера и обеды. В этом проходило все время этой пустой и ничтожной императрицы.

Екатерина с ее умом и образованием была опасной соперницей, и Елисавета всегда боялась дворцового переворота, подобного тому, который был ею устроен.

Екатерину окружили преданными Елисавете шпионами чисто русского происхождения. Но Екатерина сумела купить их сердца и научилась от своей горничной Прасковьи Владиславовой и лакея Шкурета народным пословицам и выражениям, которыми так любила щеголять. Эта народность сделала ее потом популярной среди преображенцев и семеновцев.

Русский двор, такой скромный при Петре Великом, во время Елисаветы был пышнее всех европейских дворов. Повсюду толпились нарядные придворные, дамы и кавалеры в золоте, в бриллиантах, в пудренных париках, с мушками на уголках губ. Залы дворца были великолепно убраны, посуда была очень дорогая, и Елисавета пила чай из чашки, которая стоила восемь тысяч золотых.

В то время как царица Елисавета развлекалась балами и любовью Разумовского, Петр Федорович устроил себе театр марионеток

и проводил целые дни за этим занятием. Да еще он любил собак.

А Екатерина училась, читала, наблюдала, рисовала. Петра она ненавидела. Он был ей противен, хилый, неразвитой, по ее мнению, всегда окруженный сворой собак, которые распространяли дурной запах в великокняжеских покоях. Картонная крепость и солдатики из папье-маше наполняли ему жизнь. Он никогда ничего не читал.

Екатерина часто убегала из дворца в сопровождении слуги и в мужском костюме, она ездила на охоту, отдыхая на лоне природы. А по вечерам танцевала без устали и ночью читала Монтескье, Плутарха и... "Пастушескую любовь Дафниса и Хлои", о том, как "Дафнис лег, а Хлоя скользнула под него..." Такие книги были в моде восемнадцатого столетия, и молодые люди учились по ним науке любви. Сама Екатерина признается, что ее очень интересовала личность королевы Иоанны Неополитанской, женщины развращенной и непостоянной, которая умела наслаждаться страстью различным образом и с несколькими мужчинами сразу. Екатерина находила, что королеве все можно.

В то время ей было всего восемнадцать лет.

В 1746 году Петр Федорович совершенно разошелся с женой, заявив ей, чтобы она не беспокоилась являться в его спальню, что ему с нею тесно в одной постели.

Но бурный, необузданный темперамент великой княгики требовал любви и страсти. Она сошлась с Кириллом Разумовским и почти одновременно с Захаром Чернышевым.

Захар Чернышев был ее признанным фаворитом, но его вскоре сменили братья Салтыковы из очень знатного рода. Мать их в свое время славилась чудовищным развратом. Эта дама, урожденная княжна Голицына, ходила по казармам, пьянствовала с солдатами и предавалась с ними грубому сладострастию. Бильбасов в своей истории Екатерины Великой сообщает, что у Салтыковой было триста любовников среди гренадеров императрицы.

Братья Салтыковы оба пленили Екатерину. Старший, Петр, — умом, а Сергей — красотой. Сыновья такой матери умели любить.

Елисавета была очень огорчена, что у Петра нет детей, хотя со дня его свадьбы уже прошло девять лет. Желая обеспечить престолонаследие за Голштинской семьей, она благосклонно начала смотреть на связи Екатерины, желая только одного — чтобы невестка ее забеременела. И велика была радость Елисаветы, когда мечта ее осуществилась! Сергей Салтыков открыто хвастался, что он отец будущего ребенка Екатерины, и царица выслала его из Петербурга. Екатерина не долго скучала. При ней был камергер Лев Нарышкин, и она, за отсутствием Салтыкова, сошлась с обаятельным и остроумным придворным кавалером. Чтобы скрыть причину беременности, Екатерина сблизилась с мужем и, наконец, стала ему принадлежать как жена.

В это время при дворе появился блестящий красавец, будущий польский король Август Понятовский.

Екатерина до безумия увлеклась и не забыла Понятовского, сделавшись императрицей.

Елисавета окружила беременную княгиню нежным уходом, подарила ей сто тысяч рублей за труд и осыпала ее драгоценностями.

Когда родился Павел, при дворе все уверяли, что он сын императрицы Елисаветы Петровны от Разумовского, а беременность Екатерины была подложная.

Но Павел был похож на своего отца, хотя до сих пор не установлено его происхождение. Известно лишь, что Екатерина его не любила и не питала к нему материнских чувств. Его рождение приписывали и Захару Чернышеву, и Сергею Салтыкову, и Льву Нарышкину. Уверяют, что Салтыков был похож на Петра Третьего лицом. Этим объясняется сходство Павла Петровича с его официальным отцом.

Республиканка и коммунистка в любви, Екатерина вскоре заявила, что она республиканка во всех отношениях, открыто называя себя поклонницей Вольтера. Свобода мысли Вольтера, его популярность и антирелигиозность привлекали будущую русскую царицу.

Ребенка Екатерины императрица Елисавета Петровна сразу отняла у матери. Его колыбель стояла в спальне государыни, которая нежно за ним ухаживала.

Екатерина перестала играть важную роль. Она дала России наследника престола, и теперь Елисавета устремила все внимание на ребенка, а мать предоставила самой себе. Может быть, этим объясняется холодность императрицы Екатерины П к сыну. Молодые матери легко отвыкают от детей, отнятых у них в раннем детстве.

Екатерина устроила свой “маленький двор“ и начала заниматься политикой. Английский посланник Вильямс и Август Понятовский сделались ее главными фаворитами. Зная легкомыслие Елисаветы Петровны и ее страсть к танцам, английское правительство прислало в Россию изящного шаркуна и прекрасного танцора сэра Чарльса Генбюро Вильямса, который между танцами устраивал свои политические дела. Август Понятовский был не менее блестящим кавалером, и Екатерина очень недурно проводила время, хотя не могла еще развернуть во всей полноте свой темперамент, как Иоанна Неаполитанская, ее идеал. Это наступило впоследствии, когда она сделалась русской императрицей.

Канцлер Бестужев был поверенным в любви Екатерины к Понятовскому и благосклонно смотрел на эту связь, имея в виду сделать Понятовского польским королем.

Понятовскому Екатерина очень нравилась. Вообще она умела нравиться, о чем сама говорит в своих записках: “Я умела нравиться, хотя не считала себя особенно красивой“. Однако Понятовский был другого мнения о ее наружности. Он считал ее красавицей. Вот как он описывал великую княгиню в своих записках:

“Она брюнетка, ослепительной белизны. Брови у нее черные и очень длинные, нос греческий, рот как бы зовущий для поцелуя, рост скорее высокий, тонкая талия, легкая походка, мелодичный голос и веселый смех, как и характер. Она легко переходит от шаловливой игры к серьезной таблице цифр, которые ее нисколько не пугают“.

Сергей Салтыков был в это время в Швеции, где распускал про

Екатерину ужасные слухи и открыто называл себя отцом наследника престола, он хвастался, что Екатерина сама навязалась ему, уверял, что часто не приходил к ней на свидания, которые сам ей назначал, и она напрасно ждала его по ночам.

Понятовский, как истинный дворянин, был вежливее к дамам. Екатерина не забывала ему его джентльменского обращения, когда сделалась самодержицей всероссийской.

Благодаря помощи Бестужева, Екатерина вела тайную переписку с родными, воспрещенную ей Елисаветой. Императрица стала к ней благосклоннее, и Екатерина даже добилась возобновления русского договора с Англией. Ради любви к Вильямсу она изменила Фридриху Второму, которого тайно называли ее отцом. Но прусский король добился того, что английского посланника отозвали. Хотя Семилетняя война не вполне оправдала его ожидания, однако Пруссия сохранила все свое влияние. Петр Федорович сделал его своим кумиром, и Понятовский, чтобы угодить великому князю, восхвалял прусского короля, хотя поддерживал втайне Вильямса. Екатерина дошла до того, что начала выдавать Вильямсу государственные тайны, в которые старалась проникнуть, и сообщала ему условия будущих русских договоров с иностранными державами.

Елисавета Петровна узнала об этом и обвинила Екатерину, узнававшую все тайны от канцлера империи Бестужева, в государственной измене. Екатерина с трудом вымолила у нее прощение, почти целую неделю валялась на коленях перед императрицей, которая была страшно возмущена невесткой.

Вильямса отозвали после этого скандала в Англию. В то же время французский король Людовик XV, вернее, его посол в Польше герцог де Броньи потребовал, чтобы Понятовский был удален из Петербурга.

На Россию во Франции все еще смотрели как на варварскую страну, которой можно помыкать и управлять. Желание русского правительства иметь голос в европейской концерте, как принято выражаться, в Западной Европе казалось странным. Россия лишь при Петре Великом вступила на путь цивилизации, ей было всего тридцать лет.

Во Франции пожимали плечами, говорили, что Россия — не Европа, а Азия, и предписывали царице свои законы. Кардинал де Флери, первый министр Людовика XV, втянул Россию в Семилетнюю войну, во время которой погибло около пятидесяти тысяч русских солдат.

Елисавета всегда уступала всем требованиям Западной Европы. Она уже готова была отослать Понятовского, но Екатерина вдруг властно заявила свой протест. Любовь заставила ее решиться на самостоятельный шаг.

Она резко заявила канцлеру Бестужеву, что Россия теряет свое влияние, уступая всем требованиям Запада. По ее мнению, великая и сильная держава должна предъявлять требования, а не рабски исполнять все, что требует западная указка.

Как это ни странно, Петр Федорович также очень любил своего соперника Понятовского и принял сторону великой княгини, а им обоим легко было одержать победу над императрицей Елисаветой,

никогда не отличавшейся особенным умом.

— Что такое представляет из себя какой-то герцог де Броньи по сравнению с великой русской императрицей, — резко говорила Екатерина. — Как он смеет предписывать свою волю повелительнице сильнейшей европейской державы?

Елисавета согласилась с этими доводами. В ней заговорило царское самолюбие.

В первый раз Франция получила сильный отпор и увидела, что шутить с Россией нельзя, как было раньше.

Понятовский остался в Петербурге, и роман Екатерины продолжался.

Во Франции были очень недовольны переменой. Де Флери привык, чтобы русские министры угодливо слушались его. А тут появилась молодая женщина, которая всему мешает. Он начал интриговать против Бестужева, добиваясь его отставки и придираясь к его западноевропейской политике.

Но Екатерина и тут проявила свою волю. Французскому послу удалость настроить Елисавету против Бестужева, но Екатерина успокоила его.

— Не бойтесь. Я с вами. Никто вас не тронет.

II
ПЕТР ФЕДОРОВИЧ НА СЦЕНЕ

Петр Федорович прекрасно знал о связи жены с Понятовским и не ревновал ее. Он страдал ужасными пороками, как уверяла Екатерина и ее фавориты. Но вряд ли этому можно особенно верить. Петр был просто не особенно умен и глубоко несчастен. Елисавета грубо растоптала его первую любовь и женила на нелюбимой немецкой принцессе. Он не мог забыть Наталью Лопухину и не прощал Екатерине, что она согласилась быть насильно навязанной ему женой. Это был единственный человек, который не признавал обаяния Екатерины.

При дворе появилась красавица Елисавета Воронцова, и Петр Федорович сильно увлекся ею. Полюбив Воронцову, он начал мечтать о разводе с ненавистной женой. Он решил жениться на русской девушке, чтобы Россия имела народную царицу. Эту любовь к России внушила ему его мать Анна Петровна, дочь Петра Великого.

Понятовский посещал Екатерину каждую ночь, и Петр знал, что он уходит от его жены лишь утром.

Чтобы иметь предлог для развода, Петр однажды устроил облаву. У двери спальни великой княгини был выставлен караул. Понятовский, ничего не подозревая, вышел утром от своей любовницы, но его арестовали.

— Что вы делали в это время в покоях ее высочества супруги великого князя? — спросили его.

Понятовский молчал. Он был слишком джентльмен, чтобы выдавать любимую женщину.

Но Екатерина сумела вывернуться из этой истории. К тому же Елисавета не желала скандального развода и женитьбы Петра на его фаворитке Елисавете Воронцовой, сестра которой, Екатерина Воронцова, была подругой Екатерины.

Понятовский продождал ходить по ночам к великой княгине, а в покоях великого князя ночевала его фаворитка Воронцова.

Елисавета Петровна была очень довольна, что дело так хорошо уладилось.

Однако через две недели Елисавета попросила Понятовского уехать из России во избежание нового скандала, потому что Петр был очень вспыльчив и часто менял свои решения.

Екатерину разлучили с фаворитом. Но она всю жизнь любила его. Понятовский не был первым любовником Екатерины, но, несомненно, был ее первой истинной любовью.

От Понятовского у Екатерины родилась дочь Анна, которая вскоре умерла.

В это время Екатерине было уже двадцать восемь лет. Она завоевала себе положение при дворе, Елисавета оценила ее твердый ум и гордость и часто прибегала к ее советам в европейской политике. Все министры начали считаться с великой княгиней больше,

чем с наследником престола. И сам Петр Федорович видел в ней свою опору.

Во всех затруднительных случаях он спрашивал у жены, как выйти из положения.

Романовы вообще склонны подчиняться своим женам, даже тем, которые были им насильно навязаны.

Елисавета Петровна незадолго до смерти заболела каким-то странным страхом. Она боялась остаться одна в комнате, ей чудились призраки замученных ею людей.

Она боялась, что ее могут убить, и каждую ночь ночевала в другой комнате дворца, чтобы убийцы не могли ее найти. Ее морганатический муж Разумовский попал под подозрение, и она сошлась с простым преображенским унтер-офицером Иваном Шуваловым.

При дворе воцарилось невероятное бесстыдство.

Царица тайно от придворных дам принимала своего любовника, а Екатерина разделила свою приемную комнату перегородкой, за ширмой всегда сидел какой-нибудь фаворит, а рядом она принимала. Тут же, за ширмой, стояло судно для отправления естественных потребностей. Екатерина настолько утратила женственность, что, сидя на судне за ширмой, вела беседы с придворными и выслушивала доклады министров, которые приходили сперва к ней, а потом уже к царице.

А Петр Федорович ворчал, что Екатерина не стесняется рожать в его доме детей, в сотворении которых он не принимал ровно никакого участия.

— Бог ее знает, где она берет этих детей, — говорил он придворной даме Головиной, когда Екатерина забеременела в третий раз, уже после отъезда Понятовского.

Это был плод ее связи с Нарышкиным. Хотя она продолжала любить Понятовского, но необузданный темперамент не позволял ей жить монахиней. Она не могла обходиться без мужчины, а распущенный двор Елисаветы не мог воспитать в ней выдержку. Вообще немки отличаются своим сластолюбием, как англичанки — холодным развратом, а француженки — сладострастием, которое во многом отличается от сластолюбия.

Петр Федорович затаил жажду мести за попранное мужское самолюбие до смерти Елисаветы Петровны и открыто говорил, что по восшествии на престол запрет жену в монастырь за развратное поведение.

Между тем на Западе происходили важные события. Бестужев вовлек Россию в войну с Пруссией по указу Франции. А прусский король одержал победу. Узнали, что Фридрих во время войны писал Екатерине и получал от нее письма, Екатерину обвинили в том, что она приказала генералу Апраксину, командующему русской армией, не наступать на прусские войска, а дать Фридриху оправиться от поражения при Мемеле в 1757 г.

При дворе и во всей России царило сильное возбуждение. Бестужева арестовали и обвинили в государственной измене, и Екатерина пережила ужасные минуты, потому что Елисавета решила арестовать и ее, как сообщницу Бестужева. Этого требовала вся Россия.

Екатерине грозил монастырь или развод и высылка в Германию.

Но она сумела спастись. Следствие по делу Бестужева вели Шувалов, пожалованный Елисаветой в графы, князь Трубецкой и Бутурлин.

Екатерина в один день увлекла всех троих и сделала их своими фаворитами.

Она хорошо усвоила ту истину, что путь к сердцу мужчины лежит не только через желудок... Она уже много раз любила и знала, что мужчина почти всегда уступит своей любовнице.

Шувалов постарался выгородить ее, и Елисавета первая протянула ей руку примирения. Екатерина торжествовала.

Она приблизила к себе пленного флигель-адъютанта прусского короля графа Шверина. Для охраны знатного пленника, чтобы он не мог убежать, приставили двух офицеров. Один из них поразил Екатерину гигантским ростом, силой и красотой.

Это был знаменитый фаворит Григорий Орлов.

Екатерина забыла и Понятовского, и других фаворитов. она обезумела от любви к Григорию Орлову. Это был смелый, удалой красавец, отважный в бою и ласковый в любви...

Такой человек нужен был Екатерине для ее целей.

Екатерина сошлась с Григорием Орловым, который не хотел даже скрывать своей связи с великой княгиней. Он безумно ревновал ее и делал ей сцены, обращаясь с ней в присутствии посторонних властно и грубо, как любовник, чувствующий, что без него не могут жить.

Екатерине такое обращение нравилось, как всем женщинам с садистскими наклонностями. Это щекотало ее нервы, возбуждало страсть.

Орлов был ценным приобретением во всех отношениях — и как любовник, и как орудие в будущем. Его обожали гвардейские полки, и Екатерина с этим считалась.

У нее уже составилась сильная партия при дворе. Екатерина Воронцова-Дашкова и всесильный канцлер Панин, сменивший Бестужева-Рюмина, высланного из Петербурга, были ее ближайшими друзьями.

Императрица Елисавета неожиданно скончалась 5 января 1762 года, и Петр взошел на престол.

Ходили слухи, что Панин с Екатериной отравили Елисавету, чтобы поскорее совершить задуманный ими переворот.

Первым делом Петра было прекратить войну с Пруссией.

Он приказал войскам вернуться в Россию и заключил с Пруссией сепаратный мир. Австрия, Испания и Франция были поражены такими действиями союзника.

— Я желаю мира, — объявил он послам союзных держав. — А вы делайте, что хотите.

Не довольствуясь этим, Петр предложил своему обожаемому Фридриху союз с Россией, оборонительный и наступательный.

После этого в Версале поняли, что русская политика будет другою, чем была при Елисавете.

Петр приобрел сильнейших врагов в лице союзных королей и посланников.

Все это было на руку Екатерине.

Ненависть к Петру возросла, когда он нарядился в немецкий мундир и одел всю армию по прусскому образцу.

Внутренняя политика Петра также резко отличалась от теткиной. Он упразднил тайную канцелярию, наводившую такой ужас на всю Россию.

Здесь в этой канцелярии политического сыска, пытали и погубили красавицу Лопухину, мать его невесты... Петр возвратил несчастную, изувеченную женщину из ссылки.

Это было симпатично русскому обществу. Но фаворитка Воронцова убедила его отменить указ Петра Великого об обязательной службе дворянства и отнять владения у православного духовенства.

Россия, ко всему привыкшая при Бироне и Елисавете, молчала. Россия терпела и Грозного, и Годунова, и Бирона, и Ушакова, и многих других тиранов и фаворитов.

Но Петр III усилил строгости в армии, которые повторились потом, при его внуке Николае Павловиче. За малейшие провинности солдат били палками, давали по две и по три тысячи ударов. Многие любимцы Елисаветы, старые гренадеры, которые возвели "матушку" на престол, умерли под палками.

Петр подражал Фридриху и его прусской дисциплине, подражал рабски, слепо. "Управлять — значит предвидеть", — говорила потом Екатерина II. А Петр не умел предвидеть.

Он не только не умел предвидеть, но и не видел ничего. Оставив Екатерину на свободе, он поселился вместе с Елисаветой Воронцовой.

Екатерина опять была беременна — от Григория Орлова на этот раз. Ей нравилось, что муж не является к ней. Но она боялась его. А Петр обращался с ней пренебрежительно и называл ее "дурой" в присутствии придворных и послов, требуя, чтобы она вставала при его появлении.

Все открыто говорили, что Петр хочет постричь императрицу в монастырь, запереть цесаревича Павла в тюрьму и жениться на Елисавете Воронцовой. Ведь Екатерину он ненавидел, а Павел не был его сыном, и он это прекрасно знал.

Нерешительность и медлительность погубили Петра.

Екатерина в лице Орлова и его четырех братьев имела сильных приверженцев, которые завоевали ей симпатии всех гвардейских полков, забитых палками Петра III. Гвардейцы еще раз захотели иметь "матушку", которая будет их баловать, как Елисавета. Они вспоминали о Елисавете со слезами. Матушка и детей у них крестила, и угощала их, и в гости их звала, и приглашала в придворный театр, и даже наследника, маленького Павла Петровича, выводила к ним и позволяла им брать царственного мальчика на руки и ласкать его. А теперь они узнали только муштровку и палки. Понятно, что ласковое женское владычество "матушек-цариц" представлялось им более желанным, и они с восторгом согласились возвести Екатерину на престол.

Панин и княгиня Дашкова также были сторонниками скорейшего переворота.

Панин в то время находился под влиянием своей возлюбленной, Екатерины Дашковой, которая была его незаконной дочерью в то же время.

Только влиянием Екатерины можно объяснить ту энергию, которую ленивый Панин проявил во время переворота.

Французский посол барон де Бретейль принял в заговоре самое широкое участие. Екатерине нужны были деньги, чтобы подкупить солдат и офицеров. А Петр ограничивал ее в средствах. Французский посол предложил ей неограниченный кредит.

Генерал-фельдцейхмейстером, то есть казначеем, на счастье Екатерины, был в то время один из преданных ей фаворитов, француз Вильбуа.

Вильбуа стал раздавать деньги направо и налево. На сторону Екатерины перешли четыреста солдат, на которых можно было положиться. Офицеры почти все были за нее. Для переворота, который должен был совершиться тайно и неожиданно, этого было достаточно. Петр ничего не подозревал, Екатерина оказалась изумительной артисткой, и муж ее жил вполне беспечно, откладывая пострижение своей жены в монахини. Чтобы привлечь на свою сторону русский народ и духовенство, она ежедневно ездила в церковь в траурном платье, служила панихиды по Елисавете и выполняла все обряды православия, хотя в тесном кругу называла их языческими и удивлялась их "дикости".

Но лицемерие всегда одерживает победы. Так было, так есть и так будет. Лицемеря с духовенством и народом, Екатерина не забывала лицемерить с мужем, убийство которого уже было ею решено. Она стала с ним обращаться ласково и с заискивающей нежностью, часто приходила незванная на его половину и была любезна с фавориткой Воронцовой.

— Испугалась, что я ее в монастырь посажу, — посмеивался недальновидный Петр, воображавший, что все перед ним трепещут. Он был очень доволен тем, что ввел дисциплину в своей армии и теперь может поспорить с Фридрихом в этом отношении.

Незадолго до переворота Екатерина тайно родила сына, которому дали имя графа Бобринского. Это был ребенок Григория Орлова. Екатерина дала Орлову торжественную клятву, что после смерти Петра III выйдет за него замуж и сделает его сына наследником престола, устранив Павла от престолонаследия.

А Петр все более и более свирепел. Засекая до смерти солдат, он бил всех своих придворных, не считаясь со знатностью их происхождения. Он избил Льва Нарышкина, Строганова, Волкова.

Красавица императрица, всегда ласковая, обходительная и терпеливая, пользовалась теперь всеобщей любовью и обожанием, а Петра и его фаворитку все возненавидели.

В день переворота Екатерина появилась среди гвардейцев такая кроткая, такая трогательная в своей красоте...

Часть солдат, посвященная в заговор, пришла в восторженное нетерпение.

Петр находился в Ораниенбауме с фавориткой. Офицер Пер-

фильев выдал ему заговор, но он не особенно беспокоился и велел арестовать поручика Пассека, на которого ему казал Перфильев как на ярого сторонника Екатерины.

— Заговор открыт! Пассек арестован!

С таким восклицанием вбежала Екатерина Воронцова-Дашкова в покои императрицы и остановилась, потрясенная тем, что увидела.

Екатерина преспокойно стирала в небольшой лоханке свои кружевные воротники и манжеты. Она получила буржуазное немецкое воспитание и умела стирать.

— Что вы делаете, государыня? Ваша жизнь на карте, а вы стираете! — закричала Дашкова.

— Ну что ж, ведь меня не готовили в русские императрицы. Меня предназначали для маленького немецкого князька, каким был мой отец, и учили стирать и варить. Но это ничему не мешает. А что случилось?

— Мы погибли! Заговор открыт!

Дашкова приказала бить тревогу в Измайловском полку. Но заговорщики вдруг испугались. Федор Орлов начал отступать. Но Григорий и Алексей, его братья, все устроили. В пять часов утра Алексей Орлов на тройке увез Екатерину в Петербург. С нею поехала горничная Шаргородецкая и старый преданный слуга Шкурин, от которого она часто выслушивала выговоры и замечания, все прощая старику.

Вблизи Петербурга Екатерину встретили Григорий Орлов и князь Барятинский.

Перепрягли лошадей и помчались в Измайловские казармы. Здесь били в барабан, и солдаты, не понимая, в чем дело, начали сбегаться на тревогу.

— Да здравствует императрица Екатерина, самодержица всероссийская! — закричал Орлов.

Это было неожиданностью даже для солдат-заговорщиков. Им говорили, что Екатерина будет только регентшей, а императором провозгласят ее сына Павла Петровича.

Но энтузиазм охватил войска, они подхватили крик, явился священник, войска присягнули новой самодержавной царице всероссийской, и все было кончено. Маленький Павел никогда не простил матери этой ужасной минуты, когда она свергла мужа и захватила трон сына.

Панин, желавший лишь регентства Екатерины, не смел протестовать. Екатерина в одну минуту приобрела необычайную власть, за нее были все полки.

А Петр ничего не подозревал. Его лишили престола в день его рождения, и он выехал на яхте из Ораниенбаума в Петергоф с фавориткой Воронцовой и семнадцатью дамами.

А в это время сестра фаворитки возводила его жену на престол.

Узнав, что Екатерина провозгласила себя императрицей, он поплыл в Кронштадт. Но его не пустили в крепость, объявив, что в России больше нет императора. С ним были граф Воронцов, князь Трубецкой, граф Шувалов и Волков.

Фельдмаршал Миних предложил ему убежать в Померанию. Но Петр не согласился. Он был уверен, что это не серьезно, что войска ему повинуются благодаря железной дисциплине.

Между тем Екатерину восторженно приветствовал весь Петербург. Толпа вообще тупа и безвольна. Она идет, как стадо, куда ее ведут, и всегда склонна приветствовать победителей.

Екатерина открыто поселилась с Орловым и передала ему важнейшие государственные бумаги. В эту минуту она искренне смотрела на него как на будущего своего мужа.

Екатерина завладела государственной казной и начала раздавать деньги важнейшим заговорщикам. Они все еще были ей нужны, потому что власть ее пока не укрепилась.

Бецкий, пять братьев Орловых, Потемкин, Воронцова-Дашкова, Панин, Барятинский, Шувалов, отвлекший внимание Петра от событий, и Миних — все получили богатые награды.

Не был забыт и архиепископ Веньямин, который поспешил с крестом на помощь Екатерине и начал приводить к присяге Семеновский полк.

Воронцов, Трубецкой и Шувалов, прибывшие к Екатерине от императора, принесли ей присягу.

Намерение Петра укрепиться в Кронштадте не осуществилось. Измученный Петр после издевательств солдат поехал в Ораниенбаум.

Он был жалок, несчастен и беспомощен. Все его оставили. Войска его ненавидели, и он не мог быть опасным для владычества Екатерины. Но Екатерина не желала, чтобы Петр оставался в живых. Она умела предвидеть и знала, что народ никогда не бывает доволен своими правителями. А недовольные всегда могли воспользоваться Петром III для своих целей.

Петр прислал жене трgательное письмо, умоляя отпустить его в Голштинию. Но для него уже был готов каземат рядом с темницей несчастного императора Иоанна Антоновича.

Екатерина отправилась военным походом в Петергоф во главе кавалерии, которой командовал брат фаворита Алексей Орлов, влюбленный в Екатерину, будущий фаворит...

По дороге царица переночевала в девушке Красный Кабачок, и на утро 27 июля самодержица прибыла в Петергоф.

Получив здесь письмо Петра III, Екатерина послала в Ораниенбаум Григория Орлова, князя Голицына и поручика Измайлова с приказанием заставить Петра III подписать официальное отречение от престола, а затем арестовать его.

Петр III, всеми покинутый, подписал отречение. Его посадили в карету и отвезли в его имение Ропшу под сильным конвоем. С ним ехали Алексей Орлов, князь Барятинский и капитан Пассек.

Екатерина возвратилась в Петербург.

— Что нам делать с Петром? — говорила она фавориту Григорию Орлову. — Я измучена, не знаю, как поступить. Если заточить его в крепость, его сторонники могут поднять бунт. А отпустить в Голштинию опасно.

Григорию Орлову также мешала жизнь свергнутого императора.

Он мечтал жениться на Екатерине и был уверен, что она исполнит свое обещание. Ведь только для этого он ее сделал императрицей. Но выйти замуж при живом супруге, хотя бы и свергнутом с престола, царице было неудобно.

Он отдал соответствующие наставления своему брату Алексею Орлову, прося его сделать все, чтобы обеспечить спокойствие новой государыне.

Но Алексей и сам знал, что надо делать.

В Ропше Петра III посадили в отдаленную комнату дворца. Алексей Орлов, Барятинский, Потемкин и Зубов находились безотлучно при бывшем императоре. Здесь же находился старый камердинер Петра.

5 июля камердинера неожиданно схватили в саду, когда он вышел подышать воздухом, и увезли.

Алексей Орлов затеял с бывшим царем ссору. Но Петр знал, что он ищет повод убить его. Он молчал, тогда Орлов ударил императора. Это послужило сигналом, заговорщики набросились на несчастного, беззащитного человека... Раздался дикий, нечеловеческий крик, более похожий на вой затравленного зверя.

Князь Барятинский пронзил сзади императора кинжалом...

Но, раненного, его продолжали бить и душить.

А вечером Екатерина получила от Алексея Орлова слезное письмо с просьбой о прощении.

"Матушка милосердная государыня! Как мне изъяснить всю правду... Не знаю, как эта беда случилась... Погибли мы, если ты нас не помилуешь... Никто и не думал, как поднять руку на государя, но он заспорил за столом с князем Барятинским. Не успели мы разнять, а его уже не стало..."

Конечно, Екатерина охотно простила и Орлова, и Барятинского, и других. И не только простила, но и наградила этих "не думавших поднять руку на государя".

— Свет не мил... Прогневили мы матушку, — лицемерно вздыхая, рассказывал Алексей Орлов, выгораживая Екатерину.

А маленькая немецкая княжна, захватившая корону у немецкого принца, была довольна.

Она получила престол, и любовь, и свободу...

— Как иногда хорошо быть красивой! — радостно говорила она Екатерине Воронцовой-Дашковой.

III
ФАВОРИТ ЗА ФАВОРИТОМ

Из предыдущих очерков читатели могли видеть характер Екатерины. Она соединяла любовь с политикой, была хитра, сластолюбива, лицемерна и корыстна. Сойдясь с Вильямсом, она начала действовать против Пруссии и за это чуть не была обвинена в государственной измене. А когда началась война союзных держав с Пруссией и она увидела свою родину в действительной опасности, то приказала русскому главнокомандующему не наступать. Правда, ей много помогло то, что война была навязана России Англией и Францией, высшие придворные русские чины и офицеры обожали Фридриха и стояли за союз с ним. Вот почему генералы так охотно подчинялись приказанию цесаревны и цесаревича, Карла Ульриха Гольштейн-Готторпского, во крещении Петра Федоровича.

Сластолюбивая и развратная Екатерина меняла любовников ежедневно, а иногда у нее их было сразу несколько, но она сумела использовать их чувство. Фавориты возвели ее на престол, они же избавили ее от ненавистного мужа, при этом проявили столько такта. Все вышло "случайно", Екатерина не запятнала рук в крови мужа, и сами убийцы просили у нее прощения за свое излишнее усердие. С мужем своим она также вела двойную игру, поощряла его реформы, преследования русского духовенства, которое он считал языческим и строгости дисциплины в армии, а сама ходила по церквам, притворяясь истинно православной, и жалела бедных избиваемых солдатиков, увлекая их заманчивой грезой приобрести вместо жестокого царя "с зеленой улицы" добрую милостивую матушку.

В дальнейшем она себе не изменяла, не забывая своей личной выгоды, которая у нее была на первом плане, и умея извлекать из людей то, что ей было нужно и на что они были способны: у одного брала вместе с любовью ум, у другого — талант, у третьего — военную доблесть, а у четвертого — просто красоту и силу его тела.

После смерти мужа Екатерина впала в притворное отчаяние. Она оделась в глубокий траур, служила панихиды и велела похоронить бывшего императора со всем почетом, который принадлежал его сану.

Были изданы два манифеста к народу: о вступлении Екатерины II на русский престол и о смерти императора.

"Не имели Мы намерения, ни желания таким способом воцариться, каковым Бог, по неведомым Его Промыслам, Нам определил Престол Отечества Российского восприять".

Таким образом, Екатерина все свалила на Бога и своих фаворитов, "нелицемерные сердца" которых возвели ее на престол с помощью Божией.

"Вступление Наше на Императорский престол есть доказательство той истины, что где действуют нелицемерные сердца, там рука Божия предводительствует", — писала Екатерина русскому народу.

Выходило, что Бог помогал и Петра III убить.

"Бывший император волею Божией внезапно скончался от геморроидального припадка и прежестокой боли в кишках".

Эти слова были явным издевательством над смертью несчастного Петра III, которому фавориты пронзили живот кинжалом.

Пол комнаты, где убили Петра III, был весь залит кровью, вышедшей из его внутренностей.

От ужасной боли и потери крови лицо императора сразу почернело.

Гроб с телом убитого царя выставили на поклонение в Александро-Невской лавре.

Народ тысячами стекался проститься с покойником.

В гробу лежал человек с черным лицом.

На другой день в Петербурге разнеслись слухи, что хоронят не царя, а царского арапа, камердинера Петра III, которого убили вместо него.

И когда вспыхнул Пугачевский бунт, все были убеждены, что это чудом спасенный Петр III, хотя история говорит, что спастись от Екатерины и ее фаворитов, не выпускавших Петра ни на минуту из виду, было невозможно. Екатерина не выпускала из рук людей, которые ей мешали, как читатели увидят из истории княжны Таракановой.

Народ вглядывался в лицо покойного царя, стараясь распознать его обезображенные черты. Но офицеры, стоявшие на карауле у гроба, кричали:

— Проходить! Проходить!

Вглядываться было запрещено. Запретили также под страхом смертной казни и вырезывания языков разговаривать о покойном императоре.

На погребении Петра III присутствовало необычайное множество народа. Петра похоронили не в Петропавловской крепости, где полагалось хоронить царей, а в лавре.

После похорон народ долго стоял на месте, не желая расходиться. Покойник с черным лицом и похороны царя в лавре, где хоронили только простых, хотя и богатых смертных, были тяжелой загадкой. Хотя Петра III не любили за расправы с солдатами, но его страшная судьба породила жалость в сердцах доброго русского народа. Он все же был родным внуком Петра Великого, а теперь престол перешел к чуждой русскому народу немке, совершенно посторонней русскому императорскому дому по крови.

Чудовищные слухи росли и распространялись по всему царству.

Но Екатерина была не из тех людей, которые считаются с простым народом. Народ был угнетен, он изнывал в рабстве и не мог быть ей полезен, а симпатии высшего дворянства принадлежали всецело новой государыне. На преданности дворянства Екатерина решила утвердить свою власть, а для недовольных из народа были сейчас же по ее воцарении открыты действия тайной канцелярии, куда шпионы Шешковского тащили болтунов и приверженцев Петра. Впрочем, все были запуганы и молчали.

Екатерина торжествовала и крепко держала в руках запачканный кровью Петра III скипер.

Но в глазах ее появилось какое-то подозрительное, почти инквизиторское выражение, свойственное убийцам, а черты лица приобрели холодную немецкую жестокость. Будучи цесаревной, она все время притворялась ангелом. Теперь ей не надо было играть роль. По словам знаменитой художницы Вите-Лебрен, Екатерина была очень маленького роста, но гордая осанка ее скрашивала этот недостаток, о красоте ее ходили разноречивые слухи. Одни говорили, что она красавица, другие утверждали, что у нее самое заурядное немецко-буржуазное лицо. Но когда женщина носит корону, то она всегда кажется красавицей; в ореоле царственного величия все физические недостатки исчезают.

В Западной Европе на Екатерину смотрели как на чудовище разврата, страшную убийцу. Австрийская императрица Мария Терезия, женщина очень нравственная, наотрез отказалась от встречи с русской императрицей, убившей своего мужа и менявшей фаворитов. Фаворитизм, впрочем, был в большой моде в Западной Европе. Во Франции до восшествия на престол государством управляли фавориты, а на русскую жизнь со времен Екатерины Первой влияли фавориты императриц. При Екатерине Первой Россией управлял Меншиков, при Анне Ивановне — Бирон, при Елисавете Петровне — Разумовский и Шувалов. А при Екатерине Второй на русскую политику и общестенную жизнь получили влияние многие фавориты императрицы сразу.

До восшествия на престол Екатерина дала Григорию Орлову слово сделаться его женой по смерти Петра. Этим она заставила его подумать о том, как ускорить кончину императора.

Григорий Орлов поселился в покоях императрицы. Рядом со своей спальней царица устроила известную “комнату фаворитов“, где жили ее любимцы впредь до выселения одного и перехода в эту комнату другого.

Григорий Орлов начал вести себя как будущий неофициальный император. Он позволял себе лежать на кушетке в то время, как императрица разговаривала со знатнейшими из приближенных и министров, называл царицу на “ты“, обнимал и целовал ее при посторонних, позволяя себе при этом такие вольности, что все краснели, а у Екатерины стояли слезы на глазах. Но она не смела его остановить, потому что любила его и боялась.

Но Григорий Орлов не любил заниматься политикой. Для простого, необразованного офицера из солдат это было скучным делом. Ему просто нравилось играть роль из тщеславия.

Это тщеславие побуждало его поскорее сделаться мужем русской императрицы.

Он сделал свое дело, возвел Екатерину на престол и устранил Петра с помощью братьев.

Теперь он требовал, чтобы и она исполнила свое обещание, ради которого он и его четыре брата рисковали жизнью и обагрили руки в крови Петра Федоровича.

Екатерина любила Орлова чувственной любовью, но выйти за него замуж... этого она никогда серьезно не хотела. Но по привыч-

ке всегда лицемерить она не могла прямо отказать Орлову. Это было очень опасно, потому что Орлов в своей безумной отваге мог решиться на все, чтобы отомстить одурачившей его императрице. Она хорошо знала, что у Орлова были завистники, которые не желали его возвышения.

Императрица заявила Орлову, что не может выйти за него, не имея согласия государственного совета.

Орлов и его братья повсюду агитировали в пользу брака, распространяя слухи о хилости и нездоровье Павла Петровича и о необходимости обеспечить русский трон наследником на случай его смерти.

Состоялось торжественное заседание государственного совета, и Екатерина заявила, что желает обвенчаться с Григорием Орловым.

Никто не смел ей возражать. Все боялись всесильного фаворита, которому Екатерина успела уже подарить более миллиона рублей и десять тысяч душ крестьян, превратив его из нищего в богача, как в сказке Шехерезады.

Но Панин, воспитатель цесаревича, был также смел и отважен. Он ревновал императрицу и ненавидел Орловых, на которых смотрел как на выскочек. Хотя он и сам был невысокого происхождения, но его ум и образование давали ему право занимать при дворе известное место, тогда как Орлов был груб и ленив.

И в то время, как все сенаторы молчали, Панин встал во весь свой огромный рост и заявил, сильно ударяя на свои слова:

— Императрица может делать все, что ей угодно. Но госпожа Орлова никогда не будет нашей императрицей.

Орлов побледнел. А Екатерина была довольна. Панин сказал именно то, что ей было нужно. Возможно, что она сама его научила сказать эти слова, грозившие свержением с престола.

В самом деле, Орлов был всего внуком бунтовщика-стрельца, помилованного Петром Великим за бесстрашие. Петр женил его на дворянке Зиновьевой и пожаловал ему дворянство. С тех пор стрелецкий солдат Орел стал называться Орловым, и у него было пять сыновей: Иван, Григорий, Алексей, Федор и Владимир.

Все они были очень красивы, и в России не было никого выше их ростом и сильнее.

Григорий Орлов в качестве фаворита получил звание сенатора, графа, генерал-адъютанта. Точно так был награжден и его брат Иван за деятельное участие в заговоре.

Григорий Орлов отличался самонадеянностью и глупостью. Он открыто заявил Екатерине, что если он с братьями захочет, то так же легко свергнет ее с престола, как возвел.

Это хвастовство не могло нравиться гордой императрице. Заносчивость Орлова отталкивала ее. Она забывала, чем ему обязана. И когда Панина поддержал Кирилл Разумовский, то Екатерина была им обоим очень благодарна.

— Друг мой, я люблю тебя, но если я обвенчаюсь с тобой, то нам грозит участь Петра III, — заявила она Григорию Орлову с притворной печалью в глазах, хотя в сердце царила лучезарная заря.

Орлов сослался на пример Елисаветы, которая венчалась с Алексеем Разумовским. Он отказался от мысли об официальном браке, по примеру Анны Леопольдовны. Теперь он требовал просто морганатического венчания. Но Екатерина доказала ему, что Елисавета никогда не была женою Разумовского. Не сохранилось ни документов, ни доказательств этого брака.

Орлов уже ей надоел. Притом же в Москве и в Петербурге начались ужасные волнения. Говорили, что царица хочет венчаться с убийцей ее мужа. Срывали портреты императрицы с триумфальной арки, воздвигнутой по случаю коронования, прошедшего в Москве с большой пышностью.

Армия также недовольна была Орловым. Получив в качестве генерал-аншефа артиллерии два миллиона рублей на улучшение вооружения, он прокутил миллион с дамами легкого поведения, которых у него было очень много помимо императрицы, а другой миллион преподнес Екатерине.

На эти деньги Екатерина выстроила ему мраморный дворец, выхлопотав ему титул князя Римской империи.

Но Григорий за два года связи безумно ей надоел. В 1771 году она отправила его в Москву на борьбу с чумной эпидемией. Народ взбунтовался и убил архиепископа. Безумно храбрый Орлов из удальства согласился ехать в зачумленный город, и Екатерина с радостью отпустила его. Сейчас же после отъезда Орлова она приблизила к себе на несколько дней красивого поляка Высоцкого, которого увидела случайно.

Мятеж в Москве был усмирен, и Орлов торжественно возвратился в Петербург, где занял место фаворита по-прежнему. Екатерина подарила ему замок в Ропше, где был убит Петр III, и несколько квадратных верст новых земель с крестьянами.

В это время Румянцев воевал за Дунаем, а на Западе Екатерину занимал польский вопрос. Екатерина решила возвести на польский престол Августа Понятовского. Орлов вскипел от бешеной ревности. Он вообразил, что, сделав Понятовского польским королем, Екатерина выйдет за него замуж.

— Я вам не позволю сделать королем вашего бывшего любовника! — закричал он в верховном совете, стукнув кулаком по столу.

Канцлер Бестужев и Панин привыкли к дерзостям Орлова. Императрица смолчала, но решила, что пора положить конец диктатуре Орлова, который вел себя как император. он жил во дворце, имел стол и прислугу, получал десять тысяч рублей на расходы ежемесячно, имел огромные доходы с имений, оброки с крепостных крестьян, ордена и титулы, дворцы и замки и не удовлетворялся этим, желая подчинить себе волю царицы. Но Екатерина всех выслушивала, а делала по-своему.

Она воспользовалась первым случаем, чтобы удалить Орлова, и на этот раз навсегда.

Война за Дунаем окончилась русской победой, и Орлову было поручено подписать мирный трактат в Фокшанах.

Орлов обрадовался поездке в Турцию, думая, что покроет себя

новой славой. Он начал мечтать не о заключении мира, а о взятии Константинополя. Он поселился в Яссах, послал Екатерине письмо, где требовал, чтобы она назначила его главнокомандующим и уполномочила взять Византию.

Он не подозревал, что его комната занята новым фаворитом, которого представил Панин.

Екатерина увлеклась Васильчиковым, и новый любовник поселился рядом с ее спальней.

В Петербурге царил ужас. Все воображали, что Орлов будет пожизненным фаворитом "для телесной нужды", как любил говорить Иоанн Грозный.

И вдруг такой беззастенчивый, открытый разврат, вызов всему обществу.

Несмотря на легкость нравов, царивших при дворе, все были смущены этой новой открытой связью.

Васильчиков был полным ничтожеством, и связь Екатерины с ним была основана исключительно на грубой и бесстыдной чувственности. Через две недели он ей надоел, и она после ночи жарких лобзаний неожиданно прислала ему письменное распоряжение немедленно оставить комнату фаворитов и уехать в Москву без права возвращения в Петербург.

Екатерина вообще не любила встречаться со своими бывшими любовниками. По этой причине она отказалась принять Станислава Августа Понятовского, который добивался свидания с русской императрицей, некогда очень близкой и дорогой.

В то же время Екатерина сблизилась с графиней Брюс, очень развратной женщиной, не брезгавшей ни одним мужчиной, который ей понравился, будь то простой солдат или придворный истопник.

Графиня Брюс сделалась чем-то вроде передаточной инстанции, минуя которую нельзя было попасть в спальню императрицы. Ее рекомендация решала дело.

Александр Васильчиков примирился со своей участью. Он вошел в комнату фаворитов безвестным и бедным офицером, а вышел из нее графом, камергером, кавалером ордена святого Александра Невского и владельцем огромных имений и сотен тысяч крестьянских душ.

Он, однако, был оскорблен той ролью, которую играл.

— Я был только проституткой, и со мной так и обращались, — говорил он. — Орлов умел диктовать царице свою волю, и она уважала его.

Григорий Орлов вскоре узнал, что у него есть заместитель. Бурный, необузданный и дерзкий, он в порыве бешеного гнева полетел в Петербург, крича, что убьет и соперника, и изменившую ему царицу.

Но вскоре почувствовал, что власть над Екатериной уже ускользнула из его рук и что сам он в ее власти, как простой подданный императрицы.

Орлов сразу понял, что, уехав из Петербурга, он попал в ловушку, устроенную для него Паниным, который решил во что бы то ни стало вытеснить фаворита и самому сделаться фаворитом.

Но Григорий Орлов, помня необузданные ласки Екатерины, думал, что она его еще любит. Он не подозревал, что почва ускользнула из-под его ног.

Пока он летел в Петербург, Васильчикова уже не было при дворе.

Екатерина брезгливо о нем вспоминала и упрекала "Брюсочку". Васильчиков не оправдал ее ожиданий как любовник и при этом был глуп, а Екатерина терпела неинтересных фаворитов только за ум.

Графиня Брюс, которую при дворе называли "пробир-дамой" императрицы, пожимала плечами.

— С нас не убудет, — говорила она. — Ошиблись на одном, будем внимательней и осторожней впредь.

Пробир-дама недавно сошлась с Потемкиным и задумала пристроить его в фавориты к Екатерине.

Вот почему она содействовала немилости Васильчикова, хотя незадолго до этого превозносила его достоинства.

Потемкину же было поручено выселить Васильчикова из покоев императрицы.

Это случилось после обеда, за которым фаворит сидел по правую руку императрицы, внимательно и ласково за ним ухаживавшей.

Постельный карьерист после обеда вернулся к себе и только что расположился на роскошной и удобной турецкой софе, чтобы отдохнуть, как в комнату вошел генерал-поручик Потемкин, со дня переворота служивший при дворе, но занимавший скромное место офицера для поручений.

— Что вам угодно? Для чего вы меня беспокоите, когда я отдыхаю? — раскричался надменный фаворит.

— Ее высочеству угодно, чтобы вы немедленно покинули Петербург и впредь до высочайшиз указаний ехали в Москву.

Фаворит был ошеломлен. Он не хотел верить. Но верить нужно было.

И он уехал.

После этого блистательно выполненного поручения о выселении Васильчикова из комнаты фаворитов Екатерина отправила Потемкина навстречу Григорию Орлову, который приближался к Петербургу.

На полдороге его встретил Потемкин, которому Орлов когда-то из ревности выбил глаз. Потемкин окривел и благодаря этому только через четыре года попал в фавориты, хотя Екатерине нравились его исполинский рост и чувственное лицо.

Потемкин вручил Орлову императорский указ, где ему предписывалось безвыездно жить в Гатчине под охраной впредь до новых распоряжений императрицы.

Отныне фаворитизм сделался в России правительственным учреждением, как во Франции при Людовиках XIV, XV, а фавориты, живя с императрицей, признавались людьми, служившими отечеству и престолу.

Во-первых, многие из них были способными людьми, как Панин, Потемкин, Безбородко, Зорин. Во-вторых, они услаждали досуги своей государыни, подавая ей силу для новых трудов. Так смотрела на дело сама Екатерина.

Однако первые романы Екатерины были лишены всякой пошлости. Она действительно увлекалась Понятовским, Орловым, Нарышкиным и Салтыковыми. Сластолюбивою она стала только под старость. В ней жила вечно женственная, вечно не умирающая жажда любви, которая свойственна только женщинам выдающегося ума и богато одаренным. Женщины заурядные не способны любить до поздних лет.

Ее женственная натура заставляла ее искать опоры для жизни и деятельности в ласках мужчин. Что же касается смены фаворитов, то она объясняется и тем, что они ей часто изменяли и с течением времени становились все нахальнее и требовальнее. Приходилось выгонять их из комнаты фаворитов, а жить без мужчины Екатерина не могла.

В сущности это был один длинный роман мятежной женской души со сменой лиц и настроений.

Однако государственные дела, несмотря на сравнительно блестящую политику Екатерины, сильно страдали от этих перемен. Оставаясь без фаворита, Екатерина делалась раздражительной и невнимательной.

Кроме того, каждый фаворит имел свои взгляды, и Екатерина меняла свою политику в зависимости от вкусов фаворита.

17 сентября 1778 года французский посол Керберон доносил своему правительству, что в России трудно устраивать дела, когда императрица смещает фаворита до появления нового. Министры приостанавливают государственную машину до выбора нового временщика, чтобы сообразоваться с его взглядами.

Вот почему все завоевания Екатерины носят случайный характер. Безбородко пожелал иметь в Крыму соляные варницы, и Крым завоеван, потом ему захотелось земель в Польше, и Екатерина согласилась на раздел Польши, невзирая на противодействие всесильного Панина. Так что все успехи Екатерины вовсе не представляют собою результата планомерной политики.

Екатерина недолго была одна после отставки Васильчикова.

Орлов поселился в Гатчине и понизил тон. Он посылал письмо за письмом своим друзьям Бецкому, Олсуфьеву и Чернышеву, умоляя примирить его с императрицей и обещая вознаградить их поцарски за их услугу.

Но Екатерина никогда не меняла своих решений относительно фаворитов.

Уполномоченный французских дел пишет:

“Императрица узнала, что у Григория Орлова на жалованье тысяча гвардейских солдат и что духовенство к нему расположено“.

Вот почему она отстранила Орлова. Он был опасен.

Дело в том, что царица, лицемерившая с духовенством до восшествия на престол, сняла маску в первые же дни царствования.

Она утвердила указ Петра об отнятии церковных имуществ. Духовенство было ею недовольно. Теперь уже Екатерина не заявляла о своих православных чувствах. Она открыто называла себя вольтерьянкой.

А духовенство имело огромное влияние на народ, который также был недоволен царицей. Недовольно было и высшее дворянство.

Екатерина правила самодержавно, считаясь только со своими временными фаворитами.

"Лучше служить одному господину, чем многим", — говорила она.

"Всякое другое правление, кроме самодержавия, разорительно для России", — писала она в "Наказе".

А между тем фавориты разоряли казну, и безответственность чиновников и сановников была многим не по вкусу.

Панин мечтал о дворянской конституции, то есть ограничении самовластия твердыми "аристократическими институциями".

На Западе готовилась Французская революция. Волна новых идей свободолюбия и народовластия волной залила русскую интеллигенцию.

Радищев перевел книгу Мабли, где самодержавие и самовластие приравнивались к деспотизму.

Драматург Николаев написал трагедию, где называл пагубным тот государственный строй, где все зависит лишь от единой монаршей власти.

Княжнин воспевал политическую свободу и свободу личности, противопоставляя ей российское рабство.

Радищев открыто воспевал вольность еще до своей знаменитой книги "Путешествие из Петербурга в Москву", за которую его приговорили к смертной казни.

Аристократия всех народов вообще всегда была склонна к революционности. Она слишком близко стоит к царям, видит их в разных случаях жизни и знает все их недостатки. Кумир не может быть богом для своих жрецов. Аристократия лучше всех понимает, что цари такие же люди, со всеми недостатками и достоинствами, как и другие. Она в душе не уважает их и резко критикует, а если отстаивает, то лишь боясь упасть с ними вместе.

Вот почему в высшей среде всегда изобилуют революционеры.

Так было и во времена Екатерины. Возведшая ее на престол аристократия требовала участия в делах правления и косо смотрела на любовников Екатерины.

А народ был недоволен тем, что Екатерина окончательно закрепостила крестьян.

Она запретила учить мужчиков грамоте, и несколько человек, изобличенных в просветительной деятельности среди крестьян, были заключены в Шлиссельбургскую крепость после того, как побывали в руках Шешковского и перенесли в тайной канцелярии пытки и всевозможные истязания.

Новиков, требовавший для народа образования, также погиб.

Чтобы иметь опору в дворянстве, Екатерина призвала на службу сто двадцать тысяч русских дворян — недорослей, как их называли. Дворяне также не знали грамоты, но их повелено было учить насильно.

Почти всю русскую землю и завоеванные края Екатерина поделила между фаворитами, и вся Россия принадлежала удельному ведомству, кабинету царицы и дворянам. Крестьяне сделались собственностью дворян, как домашний рабочий скот.

До Екатерины крестьян нельзя было продать отдельно от земли. Запрещена была также продажа членов одной семьи в розницу.

Екатерина и сама продавала крестьян, и дворянам разрешила продавать их, как угодно — детей от матери, отца от семьи, жену от мужа. Это было неслыханным бесчеловечием и доказывает, насколько Екатерина презирала русский народ и боялась дворянства, угождая ему во всем.

В петербургской газете появились объявления такого содержания:

"Продается пожилых лет девка, умеющая шить, мыть и гладить. Там же продаются беговые дрожки".

"Продается за сходную цену семья людей: муж — портной, жена — повариха, при них дочь — швея, 15 лет, и двое детей, 8 и 3 лет".

Ни один русский царь на это не решался. Даже Бирон не посмел ввести официальное рабство.

Крестьянин стал называться в эпоху Екатерины рабом. Его судьей был дворянин, его владелец. Жаловаться на истязания помещика мужик ее имел права. Дворяне имели право продавать крестьян в рекруты и ссылать их в Сибирь без суда, засекать розгами до смерти и разлучать семьи.

— Конечно, раб не персона, — говорила Екатерина. — Но все-таки его надо и скотом признавать, а со скотами надо обращаться человеколюбиво.

Этот строй был, очевидно, результатом ее увлечения Плутархом. А может быть, эта огромная власть над людьми давала ей садистское удовлетворение.

Недовольство и ропот возрастали, а тут еще хвастовство Орлова беспокоило царицу.Ни в каком случае она не желала его возвращения в Петербург. Он мог изменить ей, как изменил Петру, а Екатерина по опыту знала, как легко совершаются дворцовые перевороты.

Желая угодить русскому народу, Екатерина внезапно решила выйти замуж за императора Иоанна Антоновича, который томился в Шлиссельбургской крепости.

— Я заглажу причиненную ему несправедливость, — сказала она Панину, — и русский народ, жалеющий бедного заключенного царя, будет меня боготворить.

— Хорошо, ваше величество, — ответил Панин. — Но сперва взгляните тайком на своего жениха.

Иоанн Антонович, свергнутый с престола Елисаветой Петровной, когда ему было всего одиннадцать месяцев и за него правила его мать Анна Леопольдовна, с пеленок попал в тюрьму.Его ничему не учили, и он жил безвыходно в стенах темницы. Он не знал, что такое свобода, и его даже никогда не выпускали гулять. И оттого, что он никогда не бывал на воздухе, он был бледен как смерть, а говорить умел только самые обыкновенные вещи, относящиеся к еде, питью и платью. По целым дням он играл драгоценностями своей матери, которые хранились у него в шкатулке. Это было единственное, что у него не отняла жестокость Елисаветы Петровны, не имеющая пределов.

В один прекрасный день Екатерина в сопровождении Панина

прибыла в Шлиссельбургскую крепость и велела показать себе Иоанна Антоновича.

Ее подвели к форточке в дверях темницы, и она увидела бледного страдальца, без вины виноватого ребенка, которого замучили только потому, что Анна Иоанновна вздумала оставить ему, едва он родился, свой окровавленный трон.

Екатерине сделалось дурно. Панин увел ее всю в слезах.

— Нет, я не могу выйти за него. Это ужасно... Несчастный принц... Он ни в чем не был виноват, — шептала она.

На другое утро комендант крепости получил приказ выпускать Иоанна Антоновича на прогулку.

Несчастному мученику было двадцать лет, когда он в первый раз увидел деревья, цветы и расстилающееся вдали море. Он полюбил стоять на крепостном валу и смотреть вдаль...

Но когда через два года капитан Мирович при помощи дочери крепостного коменданта задумал освободить Иоанна Антоновича и возвести его на царство, Екатерина, узнавшая о заговоре, не поколебалась окончательно освободиться от Иоанна Антоновича. По ее приказу он был убит.

Однако никакие смуты и волнения не мешали Екатерине предаваться новым и новым увлечениям.

Постоянным любовником был один Панин, с которым Екатерина сошлась еще до связи с Орловым. Его постель стояла во дворце до смерти Екатерины. Он был умен, нетребователен, не ревнив. У него был огромный гарем крепостных наложниц, и больше раза в неделю он к Екатерине не являлся. Надоевших одалисок он раздаривал друзьям или продавал, а гарем постоянно освежался новинкой.

Панин был канцлером и занимался иностранной политикой, получая субсидии от Франции, Англии и Пруссии вместе. Послы знали его слабость к новым одалискам и привозили ему новинки для его гарема. Особенно благоволил Панин к итальянскому послу, доставившему в его крепостной гарем трех красивых итальянок.

Кроме этого Панин имел возлюбленных среди светских дам и артисток, большей частью иностранок.

Изменяя Екатерине и любя смену впечатлений, Панин не мешал ей в ее похождениях и даже сам доставлял ей фаворитов, выбирая ничтожных офицеров высокого роста и с чувственными наклонностями. Не любил он только серьезных соперников, которые могли отбить у него влияние на Екатерину и дела правления.

Вот почему Орлов и Потемкин были ему безумно ненавистны, и ему удалось столкнуть обоих со своей дороги.

Не успела Екатерина выгнать Васильчикова, как Панин посоветовал ей обратить внимание на Потемкина, который казался ему совершенно безвредным вначале. Потемкин был таким же актером, как Екатерина. Он ловко умел скрывать таившиеся в его душе честолюбивые замыслы.

Екатерине нравился Потемкин, но ее смущало то, что у него один глаз. При дворе его называли циклопом.

Однако графиня Брюс убедила императрицу, что он очень интересный возлюбленный.

Как-то утром его пригласили к врачу Роджерсону, который осматривал всех кандидатов в фавориты государыни. Потемкин понял, что его час настал.

Графиня Брюс уверила Екатерину, что "циклоп" до безумия влюблен в свою государыню, сгорает тайной страстью, но не смеет ни на что надеяться.

После осмотра врача, который дал самую "примерную аттестацию" о здоровье циклопа, пробир-дама проводила Потемкина в спальню императрицы, предупредив его, чтобы он был как можно более дерзок.

Очевидно, Потемкин слишком блестяще выполнил свою роль, потому что на следующее утро императрица произвела его в генерал-лейтенанты, подарила ему миллион рублей сразу на хозяйство и великолепный дворец на Миллионной, комфортабельно обставленный.

Вот как в одну ночь постельный мужчина мог сделать свою карьеру при Екатерине!

Потемкин занял комнату фаворитов, но Екатерина, любившая писать своим любовникам записки, даже когда они были совсем близко от нее, прислала ему следующее послание:

"Господин генерал-лейтенант и кавалер! Вы, я чаю, уже все глаза проглядели, на улицу посматривая и меня поджидаючи. В подтверждение моего образа мыслей о вас, ибо я всегда к вам весьма доброжелательна, более томить вас не стану и сим объявляю, что сегодня к концу дня прибуду в Санкт-Петербург, а к вечеру и у вас побываю, уповая, что вы меня, бедную странницу, от ваших щедрот ужином накормите. Зная ваше горячее ко мне персонально и к любезному отечеству, которого службу вы любите, отношение, поручаю достать стерлядей, ибо уже давно я сладкой ушицы из этой нежной рыбки не отведывала".

Екатерина ясно дала Потемкину почувствовать, что на фаворитизм она смотрит как на службу отечеству. Другой вопрос, любили ли фавориты эту "службу" так, как она думала. Под старость Екатерине пришлось убедиться, что многим такая служба далеко не была по вкусу.

В это время в Петербурге совершенно не было стерлядей. Екатерина это знала и дала фавориту непосильную задачу. Он знал, что ему грозит немилость, если их не будет.

Случайно их нашли у одного купца, который запросил сто тысяч рублей за эту рыбу. Потемкин заплатил и не раскаялся. На другое утро императрица назначила его своим генерал-адъютантом, и Григорий Александрович приобрел всесильную власть.

Да и платил Потемкин за стерлядей деньгами императрицы, которая в свою очередь брала эти деньги из русской народной казны, пополнявшейся кровью и слезами крепостного крестьянства. Нищая Ангальт-Цербстская принцесса, приехавшая в Россию с тремя платьями и шестью рубашками, щедро платила за свои амуры народными деньгами.

Григорий Потемкин родился в селе Чижовом, близ Смоленска, в сентябре 1739 года, Отец его был отставным майором и жил в крохотном принадлежавшем ему имении.

С детства Григорий говорил, что будет священником. Мальчик отличался религиозностью, но отец и слышать не хотел о подобной карьере для родовитого, хотя и бедного дворянина. Предок Потемкиных в 1676 году состоял при царе Алексее Михайловиче, и маленький Григорий с детства был записан в Семеновский гвардейский полк и числился кандидатом в пансионеры Московского университета.

Но Григорий не кончил университета. Его исключили за пренебрежение к наукам, пьянство и разгульную жизнь.

Потемкин нимало не огорчился. Он уехал в Петербург и определился вахмистром в конную гвардию.

Здесь ему повезло, как уже знают читатели. За участие в перевороте Екатерина произвела юного вахмистра в полковники и камер-юнкеры. Узнав, что Потемкин образованный человек, бывший студент, Екатерина отправила его в Швецию чрезвычайным послом, чтобы официально известить шведское правительство о перемене царствования.

Екатерина обратила на него внимание еще до того, как Панин начал выдвигать фаворита. Потемкин участвовал в турецком походе, и граф Румянцев-Задунайский горячо отзывался о молодом чиновнике в своих донесениях.

Потемкин сразу показал императрице, что его нельзя третировать как какого-нибудь Васильчикова. Он потребовал, чтобы она сделала его членом Государственного совета.

Екатерина ужаснулась. Она очутилась между двух огней, зная, что такое назначение не понравится графу Панину.

— Прекрасно. Тогда я ухожу в монастырь, — заявил Потемкин. — Я вовсе не хочу быть вашей содержанкой. Я хочу работать для славы России и своей собственной и смею надеяться, что способен к этому не хуже других.

Императрица ласкала его, молила подождать, пока при дворе привыкнут к его положению, но Потемкин и слышать ничего не хотел.

За обедом, сидя по правую руку государыни, он угрюмо молчал и не отвечал на ее вопросы.

Екатерину это так взволновало, что она заплакала и вышла из-за стола, сказав, что у нее болит голова.

Она плакала целую ночь... А наутро Потемкин был назначен сенатором, к злобной досаде Панина, который не предвидел такого поворота дел.

Потемкин вскоре захватил в свои руки управление империей. Он был ярым крепостником и сам жестоко обращался с крестьянами, не признавая в “рабе“ человеческого достоинства. Он поощрял телесные наказания рабов, преследовал самый ничтожный намек на гражданскую самобытность и вместе с Безбородко заставил Екатерину прикрепить к земле и украинцев, которые никогда не были крепостными, как вольно присоединившиеся при Алексее Михайловиче “под царя Московского“.

Наряду с этим фаворит лелеял утопические планы. Его любимой мечтой было восстановление Византийской империи. Екатерина обе-

щала ему сделать его византийским императором. Когда же проект не удался, Потемкин начал мечтать о польской короне.

В то же время он учился иностранным языкам и вскоре при помощи француза де Воман-де-Фаж в совершенстве овладел французским языком.

Как и Орлов, Потемкин решил жениться на императрице. Для этого он пускался на разные хитрости.

Но Екатерина вовсе не желала сковывать свою свободу. Она чувствовала себя очень хорошо, меняя фаворитов, когда они ей надоедали. А иметь мужа, которого нельзя безнаказанно выставить из комнаты фаворитов, с требованиями которого придется считаться, Екатерина не хотела.

Потемкин был и умен, и забавен. Он умел воспроизводить любой голос, писал сатиры и понимал искусство и литературу. Он любил хорошие картины и статуи, не жалел денег для их приобретения.

Екатерина Великая не стеснялась писать своему другу Гримму о фаворитах и хвасталась ими, как другие хвастаются породистыми собаками или лошадьми.

“Я удалила красавца Васильчикова, он был очень скучен. Но он уже замещен. Ах, что за голова у этого человека! Он забавен как сам дьявол“.

Такие признания очень ценны, потому что доказывают, что Екатерина иногда чувствовала потребность в откровенности. Ей нужно было излить кому-нибудь свои чувства — как выражаются французы, — опорожнить переполненное увлечением чувство.

Вступив в Государственный совет, Потемкин сделался руководителем внешней и внутренней политики.

Он удалил из Петербурга фаворита Чернышева и Алексея Орлова, которого Екатерина приблизила к себе во время междуцарствия, когда Григорий Орлов уехал. Панину удалось отправить Алексея Орлова послом в Италию, но Алексей возвратился в то время, когда уже взошла звезда Потемкина.

С Алексеем Орловым у Потемкина были личные счеты. Это Алексей выбил ему глаз за какое-то непочтительное выражение вскоре после переворота. Как соучастник Орловых, Потемкин вообразил, что может обращаться с ним как равный. Но гордый Орлов дал ему почувствовать, что это далеко не так.

IV
СЛАСТОЛЮБИВАЯ СТАРУХА

Потемкин не оставил своей грезы о браке с Екатериной, которая все больше к нему привязывалась.

Он грозил, что уйдет в монастырь.

— Бог осуждает незаконные связи, Зоренька моя. Боюсь, что нас ждет наказание Божие за соблазн, который мы подаем народу. Если невозможно мне видеть тебя своей законной супругой, то позволь мне удалиться в монастырь и схоронить свою жизнь в келии, где я буду молиться за тебя.

Но Екатерина прекрасно знала, что это комедия. И сама играла с фаворитом такую же комедию.

— Что ж, друг мой, если Господь так настойчиво тебя призывает, то иди, я не смею препятствовать твоему святому намерению, — смиренно вздыхая, отвечала она.

Потемкин вскоре понял, что его ломание ни к чему не приведет. Он был доволен тем, что еще не удален из комнаты фаворитов, хотя знал, что Екатерина не безусловно ему верна. Она иногда пошаливала то с рослыми гвардейскими солдатами, стоявшими на часах во дворце, то с придворными слугами. Звание, образование и воспитание понравившегося ей случайно мужчины не имели никакого значения.

Но такие авантюры ее императорского величества длились не более одной ночи, а иногда и менее одного часа.

У Екатерины было так много официальных любовников, что история не нашла возможным сохранить на своих страницах имена этих героев и дать их биографию.

Но все же известны многие случаи, которые сохранились в памяти потомства как невероятные анекдоты.

Екатерина и зимою, и летом ложилась неизменно в десять часов вечера и вставала в пять часов утра. К этому времени ее камер-фрау Перекусихина уже вставала, затапливала камин и готовила кофе.

Однажды императрица проснулась в половине пятого. Это было зимою. Камин потух, и в комнате царил ледяной холод.

Перекусихина и дежурная фрейлина крепко спали за перегородкой.

Не стесняясь никого и ни в чем, Екатерина принимала в своей спальне любовников, а за ширмой спала ее горничная, которая, таким образом, была свидетельницей таких сцен, при которых обыкновенно посторонним присутствовать не полагается.

Иногда Екатерина даже принимала в спальне министров и послов, лежа за китайской ширмой в постели с фаворитом.

Но в эту минуту ее постель была пуста. Потемкин ночевал в Петербурге, и Екатерина провела ночь одиноко в своем любимом царскосельском дворце.

“Растоплю камин сама“, — подумала императрица, которая всегда очень заботливо относилась к прислуге, стараясь не затруднять лишний раз своих горничных и лакеев.

Надежда не обманула ее. И даже принесла ей более того, что она искала.

В конце коридора показался человек такого огромного роста, что ему могли позавидовать даже Орловы и Потемкин.

Человек приближался с огромной вязанкой дров на плечах.

От одного вида той силы, которая способна была поднять такую тяжелую ношу, у Екатерины дух захватило.

"Кто сей Геркулес?" — восторженно подумала она.

Человек поравнялся с нею. Он был молод и красив, но одет как чернорабочий.

— Кто вы такой? — спросила царица.

— Придворный истопник, ваше величество.

— А! Вы меня знаете, — улыбнулась Екатерина.

Она всегда говорила слугам "вы". Это было последствие французского воспитания девицы Кардель.

— Я уже полгода во дворце, ваше величество.

— Отчего же я вас раньше не видала?

— Я кончаю работу к пяти часам утра, когда вы изволите вставать, государыня. Мне так приказано.

— Мне холодно. Затопите, пожалуйста, камин в моей спальне, прошу вас, — сказала императрица.

Истопник покраснел от неожиданного счастья. Затопить камин по просьбе самой государыни, великой всесильной самодержицы!

Но его ждало еще большее счастье.

Затопив камин, крепостной Геркулес хотел удалиться.

— Подождите. Принесите еще дров, мне холодно.

Он покорно повиновался. Но Екатерина все твердила:

— Мне холодно. Согрейте меня.

Бедняга испугался. Печка пылала как ад. Но он не умел угодить царице. Его ждет суровое наказание. Сибирь, солдатчина или даже казнь!

— Согрейте меня наконец, — улыбаясь, сказала Екатерина и подошла к нему совсем близко.

— Неужели вы не понимаете, как надо согреть государыню? — И она так ясно дала ему это понять, что он сразу просветлел. К тому же он вспомнил рассказы о похождениях царицы с фаворитами, с солдатами. Никто, даже цари, не могут спасти свою интимную жизнь от пересудов прислуги.

И Геркулес так постарался, что Екатерина пришла в неописуемый восторг.

— Браво, господин капитан!... Прекрасно, господин полковник!... — страстно шептала она.

Перекусихина проснулась и все слышала. Но эта скромная горничная отвернулась к стене и, закрыв глаза, думала о том, что государыня опять обошлась без врача Роджерсона и пробир-дамы графини Брюс.

"Нетерпеливая эта матушка! — неблагосклонно ворчала она про себя. — Опасны такие штуки для здоровья".

— Как ваша фамилия? — спросила царица истопника, отпуская его.

— Чернозубов, ваше величество, — смущенно ответил истопник.

— Отныне вы будете называться Тепловым, в память того события, когда вы согрели свою государыню. Благодарю за прекрасную службу отечеству, господин полковник! Прощайте!

В тот же день Чернозубов получил указ о пожаловании ему потомственного дворянства, фамилии Теплова и десяти тысяч крестьян в Черниговской губернии с повелением немедленно покинуть Петербург.

Потомки его живы и в настоящее время и сохранили эту легенду о своем происхождении.

Потемкин знал о похождениях царицы, но к случайным связям он ее не ревновал. Как и у Панина, у него был свой гарем, а в доме его жили три племянницы, и он не пощадил этих девочек — Сашеньку, Вареньку и Наденьку, которые в него безумно влюбились.

Но связь с родным дядей не помешала Саше выйти замуж за графа Браницкого.

Сохранились его записки к Варе и Наде Энгельгард.

"Матушка Варинька, жизнь моя, душа моя! Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я, идучи от тебя, тебя укладывал и расцеловал и одел шлафроком и одеялом, и перекрестил. Прощай, божество милое, целую тебя всю".

Эту записку Потемкин оставил над подушкой заспавшейся племянницы-наложницы.

Екатерина принимала трех сестер очень приветливо и не ревновала.

Начался Пугачевский бунт. Забитый, замученный помещиками народ переходил на сторону Пугачева, обещавшего ему дорогую свободу.

Престол Екатерины колебался. Но ее спасли дворяне, которые защищали не столько трон, сколько свои привилегии. И, как водится, солдаты из народа пошли бороться за своих угнетателей с освободителями.

Правда, Пугачев жестоко расправлялся с помещиками. Но в это самое время почти нашумел процесс Салтыковой, замучившей сто двадцать семь крепостных девушек такими утонченными пытками, что страшно даже рассказывать. Священник, живший в ее вотчине, хоронил ее жертв, не донося правительству, а палачами были лакеи, крепостные Салтыковой.

Обычное холопство и трусость, которые родили рабство...

Фавориты обращались с мужиками тоже не ласково. В имениях Румянцева было запрещено давать рабу больше тысячи семисот розог. Какая трогательная кротость!...

К тому же все время царствования Екатерины ознаменовано войнами, а это всегда возбуждает недовольство народа. Завоевание Крыма, вторая турецкая война, война со Швецией, раздел Польши, Персидский поход следовали непрерывной цепью, Россия росла, расширялась, ее могущество было теперь непобедимо, а влияние никто уже не смел оспаривать.

Однако это разоряло народ. Война стоит дорого. Первая турецкая война стоила около сорока восьми миллионов. Весь бюджет государства, около восьмидесяти миллионов, тратился на фаворитов. Выпускались бумажные ассигнации, и государственные долги возрастали.

К Пугачеву шли крестьяне со всех сторон. Это был уже четвертый самозванец, если верить Соловьеву, который воспользовался тенью Петра III, чтобы вызвать восстание.

Пугачевский бунт продолжался четыре года. Половина России была разорена и разрушена бунтовщиками.

Но Екатерина победила. Ее войска рассеяли скопища Пугачева, а сам отважный героический казак был предан своими приближенными. Его привезли в Москву в железной клетке, судили и приговорили к четвертованию.

Но обаяние Пугачева было так сильно, что палач отрубил ему сперва голову, а потом уже тело было изрублено.

Говорили, что так повелела государыня, не желавшая пыток в царстве, хотя пытки и плети существовали и судьи широко пользовались своими правами.

После Пугачевского бунта Екатерина с наследником престола и его женой, Натальей Алексеевной Гессен-Дармштадтской, отправилась в Москву, где народ принял ее с холодным и угрюмым молчанием.

Павел Петрович, привыкший в раннем детстве к нежности своей бабушки Елисаветы Петровны, после ее смерти осиротел. Мать не любила его, и он рос забитым, загнанным ребенком. Фавориты издевались над ним беспощадно и говорили ему дерзости, и это нравилось Екатерине. Мать свою Павел ненавидел, зная, что она убила отца его и захватила трон, принадлежавший сыну.

Екатерина очень рано женила его на Гессен-Дармштадтской принцессе Вильгельмине, получившей при крещении в православие имя Натальи Алексеевны. Павел привязался к жене, страстной идеалистке и мечтательнице, как все девочки ее возраста, а ей было всего пятнадцать лет, когда она вышла замуж.

Наблюдая личную жизнь Екатерины и страдания русского народа, Наталья возненавидела императрицу. Вскоре Екатерине донесли, что Наталья Алексеевна убедила Павла составить свою партию при дворе и опять устроить дворцовый переворот. Мысль отомстить "преступной немке", как называл Екатерину Павел, за убитого отца, заточить ее в монастырь, увидеть ее унижение и падение давно уже зрела в душе цесаревича.

Но он доверился Панину и другим ненадежным лицам. У Екатерины повсюду были шпионы. Она решила погубить невестку, которая бунтовала сына против матери и проповедовала при дворе либеральные идеи, крича, что необходимо освободить крестьян. Неизвестно, было ли это искреннее, а может быть, Вильгельмина-Наталья просто пользовалась этим вопросом для возбуждения недовольства в народе.

Екатерина спросила совета у Потемкина. Фаворит представил ей повивальную бабку Екатерину Зорич, занимавшуюся выкидышами и детоубийством в случаях незаконного рождения. Екатерина не любила вмешиваться в кровавые дела. Она предоставила все фавориту.

Она не желала ничьей смерти, никого не учила убивать... Но ведь преданные люди сами должны знать, что нужно делать для того, чтобы обеспечить спокойствие государыне.

— Моя невестка очень слаба, — милостиво обратилась императрица к Зорич, дав ей свою руку для целования, что служило знаком огромной милости. — Я боюсь, что она не переживет родовых мук.

— Наверное, не переживет! Великая княгиня такая хрупкая, такая нежная! — лицемерно вздохнул Потемкин.

Фаворит принял на себя заботу о том, чтобы Наталья Алексеевна не встала с одра материнства.

Еще когда он был студентом, Зорич была его любовницей. С ней он не стеснялся.

— Нужно, чтобы великая княгиня умерла. Она опасна для государыни, — объяснил он бывшей любовнице.

— Хорошо, поняла, — сквозь зубы процедила Зорич. — Не в первый раз.

Накануне родов она всыпала в освежительное питье великой княгине медленно действующий яд, который отравил и мать, и ребенка в ее чреве.

— Государыня не хочет, чтобы престол перешел к ребенку ненавистной невестки, — сказал акушерке Потемкин.

Наталья умерла, родив мертвого ребенка.

За час до ее смерти в ее комнату вошла Екатерина.

— Видите, что значит бороться со мною. Вы хотели заключить меня в монастырь. А я вас заключаю в могилу. Вы отравлены, — злорадно сказала она.

Эта легенда существует в Германии до сих пор. Зная характер Екатерины, можно верить, что она не может отказать себе в такой сладкой мести. Она отравила и душу женщины, тело которой умирало от отравы.

Павел впал в безумное отчаяние, требовал вскрытия тела цесаревны. Но он был бессилен. Его никто не слушал, и цесаревну похоронили без вскрытия. Екатерина убедила Павла, что Наталья ему изменяла, и даже передала ему подделанные ее писцом письма цесаревны к одному из Нарышкиных, не оставлявшие сомнения в измене.

Через три месяца Павел был женат на Марии Федоровне, очень ограниченной и трусливой женщине, которая не способна была, по своей недалекости, мешать Екатерине.

Началась Крымская кампания. Потемкин в качестве главнокомандующего был отправлен в Крым.

После взятия Бендер Екатерина прислала ему венок, сделанный из бриллиантов и изумрудов, выражая надежду на взятие Очакова.

Однако венок был положен на могилу любви.

Пока Потемкин вел войну с крымскими татарами, Екатерина приблизила к себе Завадовского, секретаря графа Безбородко.

В это же время, для удобства, она перестроила свою спальню. У ее постели висело большое зеркало, которое поднималось и опускалось на особой пружине. Позади зеркала стояла кровать фаворита. Если кто-нибудь входил в комнату, она опускала зеркало, и собеседник ее не мог видеть второй кровати.

Таким образом, государственные дела совершенно соединились с любовью. На ложе она выслушивала доклады министров и сенаторов.

Екатерина Воронцова-Дашкова давно была удалена от двора.

Помимо этого у Екатерины появилась страсть к молодым девушкам. Она развращала своих крестьянок и влюбилась в подаренную ей Потемкиным красивую цыганку, вывезенную из Молдавии. На выпускном экзамене в Смольном институте, открытом ею по примеру парижских монастырских школ для дворянских дочек, она увидела дочь Суворова. Девушка ей понравилась.

— Отдайте мне ваше дочку.

Суворов отказал, ссылаясь на присутствие при дворе множества блестящих кавалеров, которые могут обольстить его дочку.

— Не бойтесь, я ее помещу в своей спальне, — с жаром закричала Екатерина.

Такое обещание нисколько не успокоило строгого старика, знавшего, как все, и про фаворитов, и про зеркальную стену, и про лесбийские склонности императрицы.

Он наотрез отказал Екатерине.

— Умереть — умру за тебя, матушка государыня. А Суворочки своей тебе не дам.

Екатерина задыхалась от бешеного гнева. Но отнять насильно дочь у старика не решалась. Будь он рабом, холопом, она бы не задумалась. Но он был дворянином, и опасно было возбуждать недовольство в высшей среде. Она выслала Суворова с дочерью в отдаленное имение, запретив девушке приезд ко двору, чему Суворов был очень рад.

Зная, что Екатерина не обойдется без фаворита в его отсутствие, Потемкин сам оставил ей заместителей, своих адъютантов.

Григорий Орлов сильно огорчил императрицу. Он женился, а этого Екатерина не прощала фаворитам.

Бывший любовник Екатерины Кирилл Разумовский за участие в заговоре получил малорусское гетманство, но вскоре ему это показалось недостаточным. Он прислал в Петербург своего приближенного Безбородко, очень умного человека, толкового юриста, с ходатайством об утверждении наследственного гетманства. Это было равносильно отделению Малороссии с гетманской династией во главе. Екатерина изумилась такой дерзости. Но Безбородко ей понравился.

Это был человек огромного роста, с веселыми карими глазами и толстыми чувственными губами.

Кирилл Разумовский хорошо знал вкусы императрицы и не прислал бы для переговоров с ней человека, не обладавшего ростом и физической силой. Безбородко приехал в сопровождении двух секретарей, Заводского и Мамонова. Оба секретаря отличались выдающейся красотой, но государыня сперва остановила взор на несравненном Завадовском. В отсутствие Потемкина она завела множество связей с фаворитами момента, но ей надоело перепархивание с цветка на цветок. Она была по-своему постоянна.

Потемкина обеспокоила эта привязанность. Он написал Завадовскому из Крыма оскорбительное письмо и грозил императрице. Но Завадовский надоел Екатерине. Он был глуп и вскоре получил отставку.

Его сменил Зорич, племянник акушерки, отравившей невестку Екатерины. По просьбе тетки, оказавшей ей важную услугу, она взяла Зорича ко двору. Екатерина умела быть благодарной.

Зорич понравился ей лишь на миг. Она его вскоре выгнала. Это был пустой ветреный фат, мот и игрок. При этом он не был верен Екатерине. Странная вещь! Будучи моложе, Екатерина прощала фаворитам их увлечения. С годами она сделалась ревнивой. Вероятно, потому, что не могла уже бороться с молодыми соперницами и боялась невыгодных сравнений. Она держала фаворитов как в гареме, требуя, чтобы они безвыходно сидели в ее спальне за зеркальной перегородкой и всегда были готовы служить своей государыне и отечеству.

Узнав, что Зорич ей изменяет, Екатерина отлучила его от ложа. В это время ей понравился гвардейский офицер Корсаков.

Зорич был выслан из Петербурга, как и все остальные фавориты. Екатерина отправила его в Крым, к Потемкину. Светлейший, великолепный князь Тавриды, встревожился, увидев его перед собой.

— Отчего вы не при государыне? — спросил он.

— Меня выслали.

— А кто вас заменил?

— Корсаков.

— Корсаков! О, это опасный человек.

Потемкин решил поскорее окончить войну и возвратиться в Петербург. Поход окончился блестящей победой. Корсакова представила Екатерине пробир-дама графиня Брюс. О нем говорил весь город как об опаснейшем Дон Жуане, "муже всех жен". Он был неустрашимым дуэлянтом, а с женщинами обходился грубо и презрительно. Мужья боялись его, а женщины вздыхали об этом "злодее" и "негодяе". В общем все признавали его ничтожным человеком.

— Ваше величество, ничтожные люди часто бывают недосягаемо велики в любви. Таков и майор Корсаков, — уверяла царицу Брюсочка, горячо рекомендуя "отменные достоинства" своего кандидата.

— Хорошо, Брюсочка, ты меня сим злодеем женских сердец заинтересовала, — ответила царица, нюхая табак. Это была привычка, от которой она не могла отстать всю жизнь.

Брюсочка привела Корсакова к государыне, когда его назначили на караул во дворец.

— Подойдите поближе, майор. Очень рада с вами познакомиться. О вас столько говорят дурного, — улыбаясь, сказала Екатерина, любуясь этим статным, могучим человеком и вожделея его наглости.

— Меня не любят, потому что я не позволяю ни одной женщине властвовать над собой. Я сам ей приказываю, будь то хоть царица.

В восторге от этого ответа императрица сделала его флигель-адъютантом...

Потемкин поспешил в Петербург. Екатерина была с ним очень холодна. У нее уже сменилось несколько фаворитов, но с Корсаковым она не разлучалась.

Он жил в роскошных апартаментах, имея огромный штат прислуги. В первый же день, открыв ящик письменного стола, он нашел там сто тысяч рублей золотом и слегка надулся, зная, что любовь Потемкина была оплачена в десять раз дороже. Вечером императрица вышла в гостиную, нежно опираясь на руку Корсакова и не скрывая от придворных своей близости к нему. Она вела себя сво-

бодно, как мужчина, тщеславясь своими похождениями, платя мужчинам за любовь, как проституткам, но не презирая их, как они презирают женщин, которым платят. На ней было белое свободное платье с греческими рукавами, поверх платья лиловая бархатная мантилья вроде греческого доломана. В десять часов вечера, после игры в карты с Зубовым и Безбородко, она удалилась в свои покои вместе с новым фаворитом.

Кроме Корсакова ее близостью пользовался офицер Хвостов. Но, позволяя себе очень многое, Екатерина теперь строго относилась к увлечениям своих фаворитов. Их зорко стерегли со всех сторон, и несчастные любовники императрицы жили как в клетке. Они не могли выйти из дворца и каждую минуту обязаны были предстать пред взором своей повелительницы по первому ее требованию. Временный фаворит никого не принимал и ни у кого не бывал. В гости мог идти только с разрешения императрицы. Словом, фаворит был совершенно в положении одалиски из турецких султанских гаремов. Екатерина покупала его и требовала, чтобы вещь всецело принадлежала ей одной. Она не выносила даже минутной разлуки с любовником. Однажды великая княгина Мария Федоровна пригласила Корсакова к себе. Царица страшно разгневалась и послала сказать ей, чтобы она никогда не смела этого больше делать. Она вообразила, что Корсаков понравился великой княгине, которая, как известно, отличалась буржуазными добродетелями.

Увлекаясь фаворитами, Екатерина не забывала о делах. Она сделалась очень деспотична, управляла без министров, изменяла решения Безбородко и Панина, отняла у Павла Петровича его детей Александра и Константина и сама их воспитывала. Дети росли в атмосфере фаворитизма, преступлений и интриг. И нечего удивляться, что они, совсем юношами, дали увлечь себя в заговор против родного отца, который был “нечаянно“ убит фаворитами Екатерины, как и Петр III.

Все фавориты Екатерины были богатырского сложения, сильные, здоровые и цветущие молодые люди.

Павел Петрович сознавал весь позор своей матери, и не раз у него происходили с ней ссоры. Он увлекся фрейлиной Нелидовой, и мать вызвала его к себе.

— Как ты можешь изменять такому ангелу, как твоя жена?

Павел расхохотался.

— Что я слышу? — с горечью ответил он. — Вы проповедуете мне мораль? Вы, меняющая флигель-адъютантов как перчатки...

— Вон! Уходите, или я прикажу вас арестовать! — кричала Екатерина, задыхаясь от злобы. — Ты забываешь, что ты мне сын!

— Я этого никогда не знал, — ответил Павел.

После этого Екатерина составила завещание, которым лишала сына права на престол. Своим преемником она назначила старшего внука, Александра. Но после ее смерти Панин, любивший своего воспитанника, уничтожил это завещание. Это не мешало Александру, знавшему о воле императрицы, смотреть на отца как на узурпатора, незаконно завладевшего престолом.

Французская революция безумно испугала Екатерину. Ей повсюду в России мерещилась гидра санкюлотства. В царстве российском не прекращались бунты и мятежи. Ежедневно Шешковский открывал новые заговоры. По совету Потемкина были усилены строгости. Каждое свободное слово встречало преследование, и крепостное право дошло до высшего развития. Ведь это вырвавшиеся на волю рабы сделали во Франции революцию...

Сердце Екатерины было надломлено странной двойственностью. В письмах к Дидро и Вольтеру она превозносила свободу, а на деле преследовала ее. Фавориты ее не удовлетворяли, она вечно искала чего-то нового и в высших наслаждениях ума, и в грубых проявлениях инстинкта.

В 1780 году Потемкин случайно увидел красавца Ланского и представил его царице. По наружности он был похож на Гамлета. Мечтательные голубые глаза, полные глубокой грусти, останавливали внимание каждого. Может быть, в них таилось предчувствие тяжелой ожидавшей его участи. Юное безбородое лицо ослепительной белизны, с румянцем, коралловый ротик, белокурые волосы и правильные черные брови делали его похожим на девочку. Но при этом он был высокого роста, с хорошо развитыми бедрами и широкими плечами.

Такие писанные херувимские лица не всем женщинам нравятся. Екатерина всегда любила мужественность в лице. Но для разнообразия отчего не взять на некоторое время хорошенького, женоподобного мальчика двадцати лет? Помимо него у нее был Панин, Потемкин, Безбородко, Корсаков и Хвостов, лица которых далеко не напоминали девочек. Корсаков был удален, а Ланской не посмел отказаться от милостей своей государыни, он был слишком хорошим верноподданным, чтобы ослушаться, хотя стыдился положения царского наложника. К тому же мальчикам его лет всегда нравятся женщины постарше. Екатерина ему нравилась, и он любил ее за материнскую заботливость.

Весна расцвела в душе стареющей царицы. Этот нежный, стыдливый цветочек заставлял ее забывать о призраке революции, о польских делах, об индийском походе, которым бредил Потемкин.

Может быть, Ланской был самой поэтичной, изящной ее любовью после Понятовского. Все ее другие фавориты были грубыми животными, а этот провинциал своей неопытностью и незнанием жизни будил в ее огрубелой душе чистые чувства; С ним чувственная, сладострастная императрица молодела, как Давид с Авигавой.

Ланской до Екатерины знал мало женщин, а может быть, и совсем их не знал. И вероятно, поэтому он был с Екатериной нежен, как сын, и это ее бесконечно трогало.

— Зоренька моя, — называл он ее, как все фавориты. Екатерина любила это слово, говорившее ее любовникам о том, что заря фортуны взошла для них только с ее любовью.

Ланского она держала взаперти, охраняя его, как восточный султан свою любимую одалиску, от взоров придворных дам, даже от пробир-дамы графини Брюс. При дворе было так много искусительниц! Одна только фрейлина Протасова внушала ей доверие.

Она окружила Ланского неслыханной роскошью. Это единственный из фаворитов, который не вмешивался в политику и отказывался от влияния, чинов и орденов, хотя Екатерина вынудила его принять от нее графский титул, огромные земли, десятки тысяч крестьян и чин флигель-адъютанта.

Адонис так привязал ее к себе своей нежностью, что она часто плакала, склонившись к нему на плечо.

— Хочу с тобой выплакать все обиды, которые от других перетерпела, — говорила она.

Наконец Екатерина решила, что такой любви больше не найдет. Она уже была стара. Сердце устало от вечных исканий, а все-таки не находило никогда удовлетворения. Ей казалось, что теперь она его нашла.

Неожиданно она заявила Панину и Потемкину, что хочет выйти за Ланского замуж, чтобы окончательно привязать его к себе и отплатить ему таким достойным образом за его верность и преданность.

— Он мне никогда не изменял, — глядя в упор в глаза Потемкину, сказала она.

Потемкин понял намек. Сам он изменял неоднократно и без конца.

Это было в мае 1784 года. А через месяц Ланской заболел странной болезнью, и врачи не могли понять, что с ним.

Потемкин велел отравить несчастного юношу, которого слишком любила императрица.

Роджерсон прямо сказал государыне:

— Больной, видимо, отравлен, ваше величество. Спасти его невозможно.

Екатерина забросила все государственные дела и проводила дни и ночи у постели Ланского.

— Сашенька, Сашенька, свет мой, жизнь моя, не покидай меня, — с рыданием шептала она.

Но Ланский покинул Зореньку. Несчастный погиб жертвой придворных интриг. Екатерина хорошо знала, что в его смерти виноват Потемкин. Она велела ему немедленно уехать в Херсон.

— Я не могу вас видеть... По крайности теперь, в первые минуты горя! — сказала она.

А Потемкин торжествовал. Екатерина не желала обвенчаться с ним, с героем Тавриды, с гениальным, по ее признанию, советником ее. Разве мог он допустить, чобы она вышла замуж за мальчишку Ланского, которого он сам ей рекомендовал в фавориты? Это было бы слишком тяжелым ударом его самолюбию. А князь Тавриды был очень самолюбив.

После похорон Ланского, который скончался на ее руках, Екатерина писала Гримму 9 сентября 1784 года:

"Я думала, что не переживу невозвратимую потерю, когда скончался мой лучший друг. Я надеялась, что он будет опорой моей старости. Он также к этому стремился, стараясь привить себе мои вкусы. Это был молодой человек, которого я воспитывала, который был благороден, кроток, честен, который разделял мои печали, когда они у меня были, и радовался моим радостям. Одним словом, я,

рыдая, имею несчастье сказать вам, что генерала Ланского не стало... и моя комната, которую так любила прежде, превратилась теперь в пустую пещеру. Я еле передвигаюсь по ней как тень. Я слаба и так подавлена, что не могу видеть лица человеческого, чтобы не разрыдаться при первом же слове. Я не знаю, что станется со мной. Знаю только одно, что никогда во всю мою жизнь я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и любезный друг покинул меня".

Два месяца спустя Екатерина снова пишет Гримму:

"Два месяца прошли без всякого облегчения... Вчера, 5 ноября, не зная, куда преклонить голову, я велела заложить карету и приехала неожиданно и так, что никто не подозревал об этом, в город, где остановилась в Эрмитаже и вчера в первый раз я видела всех и все меня видели. Но, по правде сказать, это стоило мне страшного усилия, и когда я вернулась к себе в комнату, то почувствовала такой упадок духа, что всякая другая на моем месте, наверное, лишилась бы чувств. Все меня угнетает...

А я никогда не любила внушать к себе жалость".

Должно быть, сильна была ее любовь, если она два месяца отказывалась видеть лицо человеческое... Эти письма — ценный вклад в психологию женской души. Та любовь, которой Екатерина не знала в молодости, отдаваясь только из чувственности или по расчету, пришла к ней в старости.

Произошло невероятное событие в летописях двора. Комната фаворитов пустовала пять месяцев.

Императрица ходила такая скучная, печальная, и Потемкин, возвратясь из Новороссии, приходил к ней только для того, чтобы плакать с ней о Сашеньке Ланском, и уверял Екатерину, что не виноват в его смерти.

Она ежедневно ездила на могилу фаворита и просиживала на кладбище долгие часы, вспоминая о радостях, которые давал ей покойный, и думая о том, что злые люди отняли его у нее из зависти и ненависти к его чистоте и красоте.

Но Екатерина была не из тех слабых натур, которые могут сломаться от горя или потери. Через пять месяцев в ней опять проснулась ее обычная веселость, общественность и жажда счастья. Жить в слезах всю жизнь она не была способна.

Скорбь мешала ей работать. К тому же Потемкину не нравилось, что императрица тоскует по Ланскому. Он ревновал к этой верной любви и хотел вытравить образ Ланского из ее сердца.

Он знакомился с гвардейскими офицерами, изучая их характеры, потому что решил найти Ланскому заместителя. Он слишком хорошо знал Екатерину. Он видел ее возбуждение. Ей было трудно жить в одиночестве, а старые фавориты уже надоели, как надоедают мужья, с которыми долго живешь. Она не находила с ними остроты ощущений и чувственных наслаждений.

Выбор Потемкина остановился на Петре Ермолове и Александре Мамонове.

Он назначил обоих своими адъютантами и отправил Ермолова с поручением к государыне.

Это был заурядный офицер, но странной и привлекательной наружности. При дворе его прозвали белым арапом. У него были светлые, почти белые курчавые волосы, широкие скулы, толстые чувственные губы и белые, как снег, зубы.

А Екатерина не могла равнодушно видеть толстые губы, манившие ее к лобзаниям.

И, глядя на белого арапа и на его чувственный рот, Екатерина внезапно почувствовала, что в сердце ее опять расцвело лето, что она еще молода и не может жить без ласки, любви и нежности.

Через несколько дней Ермолов уже был флигель-адъютантом и занимал комнату, где жил нежный, кроткий и незабвенный Ланской.

Потемкин довольно улыбался, но Ермолов не желал жить в заточении. Он любил играть на биллиарде и в карты и часто сбегал из дворца в игорные притоны и к дамам легкого поведения.

Екатерине это не нравилось. А тут Потемкин прислал к ней с запиской второго адъютанта, Александра Мамонова, который произвел на нее очень благоприятное впечатление.

Ермолов получил сто тысяч рублей и приказ оставить Петербург, как все временные фавориты. Императрица не любила встречать в рядах войска или в обществе человека, который мог думать: "Она была моею".

Ермолов слетел с вершины счастья, а Мамонов поднялся на эту вершину, которая называлась спальней императрицы. Подниматься приходилось не по горным кручам, а просто по невысокой витой лесенке.

На следующий день после оставки Ермолова он уже занимал комнату фаворитов и все принадлежавшие им апартаменты.

Новый фаворит сразу начал вести себя вызывающе по отношению к выдвинувшему его Потемкину. Это было очень неблагородно, но Мамонов оправдывался перед императрицей ревностью. Такое оправдание глубоко ее тронуло. Ревнует — следовательно, любит! Екатерина была безоружна перед таким оправданием. Какой женщине может не нравиться, если ее ревнуют?

Она не только не останавливала дерзости Мамонова, но с восторгом наблюдала ссоры фаворитов за ее столом.

И Потемкин не мог поколебать положение Мамонова, этого огромного, сильного человека с калмыцким лицом.

Мамонов приобрел огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Екатерина рабски подчинялась его воле. Временами ей казалось, что она девочка. Мамонова называла кандидатом в вице-канцлеры вместо графа Безбородко, который также был ее фаворитом. Екатерина все-таки очень колебалась. Она ценила ум Безбородко. По ее мнению, это был русский Вольтер. Он открыто восхищался Пугачевым.

— Не казнить его, матушка-государыня, надо было, а изумления сей простой яицкий казак весьма достоин, если бы не был злодеем и бунтовщиком. Все то, до чего французские философы дошли путем долгих научных размышлений, этот мужик понял непостижимым образом, поставив равенство и свободу своим идеалом.

Екатерина, улыбаясь, слушала эти речи о маркизе де Пугачеве,

как она называла казненного Емельяна, которому Безбородко не мог простить манифеста об уничтожении крепостного права. Он мечтал о разделе Польши и о новых польских душах.

Гетман Кирилл Разумовский был давно отставлен благодаря своему бывшему помощнику. Свободная Малороссиия узнала цепи рабства, и Безбородко получил сорок тысяч малороссийских душ, о свободе которых приехал хлопотать. У него были огромные соляные варницы в Крыму, и он имел неограниченное влияние на иностранную политику.

Безбородко решил, что не уступит Мамонову своего положения без борьбы. А Мамонов с каждым днем становился сильнее и наглее.

V
ПОСЛЕДНИЕ УВЛЕЧЕНИЯ ЦАРИЦЫ

Императрица выразила желание посмотреть “на свое хозяйство“, то есть покататься по России.

Петербург и Москва ей наскучили. Захотелось путешествовать.

Помещики взволновались, власти также. Фавориты решили, что императрица не должна видеть ничего такого, что бы опечалило ее любвеобильное сердце.

Под страхом смертной казни и смерти под розгами крестьянам было запрещено подавать ей жалобы и рассказывать о притеснениях дворян и властей и жестоком обращении с крепостными рабами.

Императрица была словоохотлива. Она с удовольствием разговаривала при встречах и на прогулках с людьми всякого звания и любопытно расспрашивала обо всем, что творилось в народе.

Фавориты чего-то боялись, хотя боят..ся было нечего. Екатерина, давая дворянам право распоряжаться крестьянами как скотом, могла предвидеть, к чему это приведет. К тому же она читала Плутарха и знала, до каких жестокостей могут дойти люди, если дать им власть над себе подобными.

Поездку ее по царству превратили в увеселительную прогулку. Повсюду ее встречали толпы нарядных крестьян с хлебом-солью, благодарили за милости, восхваляли свое житье и превозносили помещиков.

— Видите, им не нужна свобода, они прекрасно себя чувствуют и в рабском, скотском состоянии, — с легким презрением к этому забитому русскому народу говорила бывшая Ангальт-Цербстская принцесса сопровождающим ее фаворитам Потемкину и Мамонову.

Парни и девушки водили хороводы, пели народные песни, а помещики тратили огромные состояния, чтобы достойно принять свою государыню и ее любимых фаворитов.

Ехали через Москву, и особенно торжественную встречу устроил Екатерине в Кускове граф Петр Борисович Шереметев.

Вся улица, которая вела из деревни во дворец, была превращена в сплошную триумфальную арку из цветов и тропических растений. Повсюду висели нарисованные крепостными живописцами аллегорические картины, прославлявшие императрицу...

Глубокой иронией полны эти прославления северной Семирамиды крепостным искусством.

Главный пруд был усеян флотилией нарядных лодок и судов. С берега гремели пушечные выстрелы.

Вдоль улиц были выстроены рядами крепостные графы, а девушки-невольницы в белых платьях осыпали цвтами путь императрицы, которая весело раскланивалась направо и налево русскими поклонами и обворожительно улыбалась. Екатерина и при дворе признавала только русские поясные поклоны — они ей нравились больше немецких реверансов.

Роскошный обед в доме графа стоил более пятидесяти тысяч рублей.

Вечером в театре состоялось представление оперы “Салеснитские браки“, теперь уже забытой, но во времена Екатерины очень модной.

Затем следовал балет, приведший Екатерину в восхищение.

Играли крепостные артисты, и Екатерина допустила этих увеселявших ее рабов к своей руке, наградив их по окончании представления дорогими подарками. После театра граф поднес императрице и фаворитам живых голубей, обмотанных паклей, и пригласил их выйти в парк и выпустить птиц на волю. Испуганные голуби взвились вверх... В темноте ночи вдруг загорелись потешные огни с вензелями Екатерины. Это варварское бесчеловечное развлечение очень понравилось императрице... Страшное было время, когда мучили и людей, и животных для своего удовольствия...

Потемкин в качестве крымского генерал-губернатора отправил бригадиру Синельникову подробные указания, где строить наскоро дворцы для ночлегов, станции, обеденные столы.

Была приготовлена феерия, чтобы поразить царицу.

В Кеневе царицу встретил Понятовский. Он израсходовал на прием три миллиона рублей.

Понятовский при встрече слегка волновался. Когда-то он и Екатерина любили друг друга... Теперь оба состарились, оба носили корону...

Екатерина держала себя спокойно. О прошлом не было сказано ни слова. Она этого не любила. Мамонов, Потемкин, Безбородко и девица Протасова были тут же. Побеседовав с Понятовским о турецкой политике и уверив его, что она не собирается воевать с Турцией во второй раз, Екатерина поехала дальше, не приняв даже приглашения польского короля отобедать. С Екатериной, кроме фаворитов, путешествовали еще принц де Лин и граф де Сегюр, с которыми она также была в нежных отношениях.

Потемкин обставил путешествие императрицы необыкновенными удобствами. Кибитку ее везли тридцать лошадей. Экипаж состоял из кабинета, гостиной на восемь человек, маленькой библиотеки, уборной и других удобств. Было похоже на салон-вагон. В этой кибитке ехала Екатерина, Мамонов, Лев Нарышкин, также сделавшийся ее неразлучным фаворитом, фрейлина Протасова и австрийский посланник граф Кобенцль, приглашенный ехать ввиду предстоявшего свидания с австрийским императором Иосифом, которого называли Иосифом Прекрасным за его красоту и холодность с женщинами.

Потемкин и Мамонов, устраивая путешествие царицы. украли огромные суммы денег, как и Безбородко в Малороссии. Все фавориты поражают своей жадностью и ненасытностью.

Путешествие Екатрины стоило русскому народу четыре миллиона рублей.

В Малороссии Безбородко устроил хутора и селения, утопавшие в деревьях и цветах.

Иногда это были просто искусно нарисованные крепостными художниками декорации, на которые царица любовалась, сидя в экипаже и принимая все за живую природу.

И здесь народ встречал ее восторженно, и она искренне решила, что Малороссия не только довольна своим закрепощением, но и благодарна за него.

— В Польше хуже, — рассказывал Панин. — Там в каждой деревне стоит виселица, и паны вздергивают на нее непокорных холопов.

Это была правда. Поляки ужасно жестоко обращались с крепостными, и Безбородко, получив имение в Польше после раздела ее, первым делом приказал повсюду снести эти виселицы, воздвигнутые для домашнего помещичьего суда.

В Херсоне состоялось свидание с австрийским императором. Екатерина им увлеклась. Но Иосиф говорил о политике и философии, с трудом вынося дерзости Мамонова.

А Турция была испугана и путешествием, и свиданием, следствием которого явилась кровопролитная война.

Мамонов не утратил милостей царицы, и его положение было теперь не менее прочно, чем некогда Ланского. Он был умен, образован, знатного происхождения и говорил на нескольких иностранных языках. При этом весел до шаловливости и верен Екатерине. Как честный офицер, он держал данное ей слово и не выходил из дворца.

Екатерина возвратилась в Петербург очень довольная, что видела свое царство, так хорошо устроенное ею и ее любимцами. Мамонова она любила не менее нежно, чем своих внуков, и называла его "дите".

— Дитя очень тебя любит, Григорий Александрович, и ценит твой ум. И чего ты на него всегда как зверь огрызаешься? — говорила она Потемкину.

Она уже мечтала теперь, что опорой ее старости до конца будет Мамонов.

Екатерина восторженно описывала Гримму своего любовника.

"...Рост выше среднего... Чудные черные глаза... Крепок душою, силен и блестящ по внешности... У него ум за четырех, неисчерпаемый источник веселья и много оригинальности в понимании вещей и в суждениях. Кроме того, безграничная искренность".

Но за эту искренность Мамонов поплатился впоследствии.

...Гри-гри, вы золотой человек, потому что вы дали мне бесценного Сашу, — милостиво улыбаясь, говорила императрица Потемкину.

Мамонов, как и Ланский, стыдился своего положения. Этим объясняется то обстоятельство, что оба они охотно подчинились распоряжению царицы не выходить из дворца. Это были единственные порядочные люди среди фаворитов Екатерины. Но Ланской был бескорыстен. Он молчаливо грустил в своей золотой клетке, не имея сил из нее вырваться, может быть, по нежности своего сердца жалея покинуть любившую его Екатерину.

Мамонов не скрывал своего стыда, но заставлял себя за него платить.

В обществе были недовольны расточительностью Екатерины, которой фавориты стоили более четырехсот миллионов рублей.

Требуя верности Мамонова, она приблизила к себе юного офицера Казаринова, которого случайно увидела на параде, и за одну ночь подарила ему имение, стоившее четыреста тысяч рублей.

"Императрица разоряет государство", — говорили в обществе.

Конечно, она щедро платила за свои удовольствия из народной казны.

Но она же укрепляла и расширяла русские владения, завоевала Новороссию, Крым, присоединила Малороссию, приобрела часть Польши и заботилась о цельности Русского государства, скрепляя его цементом рабства. Но возможно, что в ее эпоху другая политика была невозможна и продиктована ей политической мудростью, той мудростью, которою египетские фараоны воздвигали свои пирамиды, не щадя жизней рабов, которые их строили.

Екатерина строила здание обширной, цельной, единой, несокрушимой России. Она первая завоевала России голос в Западной Европе. И ценила себя как архитектора очень дорого.

— Конституция обошлась бы стране еще дороже самодержавия, — говорила она. — Лучшая из конституций ни к черту не годится, потому что она делает более несчастных, нежели счастливых. Добрые и честные страдают от нее, и только негодяи чувствуют себя при ней хорошо, потому что набивают карманы и никто их не наказывает.

Она предпочитала набивать самодержавно карманы фаворитов. Но сколько она ни дарила Мамонову, все же не могла купить сердца этого честного в основе своей человека.

С некоторых пор Екатерина взяла к себе новую фрейлину, княжну Елисавету Щербатову.

Лизаньке было всего семнадцать лет, и она жила во дворце безвыходно, как и Мамонов.

Запертые в стенах царскосельского дворца, фаворит и фрейлина часто встречались и страстно полюбили друг друга.

Старая, толстая Екатерина сделалась противной своему любовнику, который сравнивал ее с семнадцатилетней хорошенькой Лизанькой. Екатерина стала замечать в нем полное отсутствие усердия. Он охладел к ней, избегая ласк этой сластолюбивой женщины, годившейся ему в матери.

Безбородко узнал о свиданиях Мамонова с Лизанькой. Они встречались в беседке дворцового сада, и княжна отдалась своему возлюбленному.

Хитрый малоросс обрадовался, когда царица пожаловалась ему на "рассеянность" Мамонова и его неаккуратность.

— Где-то начал пропадать по ночам...

— А нет ли у него возлюбленной во дворце? — спросил он. Екатерина побледнела.

— Да кто же такая дерзкая, которая посмеет соперничать со своей государыней на моих глазах?

— Да мало ли... Теперь народ вольнодумен стал, особенно молодые фрейлины!

Это был намек на Щербатову.Екатерина не придала этому особенного значения.

Вечером состоялось заседание Государственного совета, и Мамонов отсутствовал.

В спальне Екатерины его также не было.

Екатерина вернулась из совета усталая и пожелала забыться в сильных и нежных объятиях "дитяти".

Но комната фаворитов также была пуста.

Екатерина решила дождаться Мамонова и сделать ему строгий выговор. Она не ложилась и ждала.

Наконец он явился.

— Где вы, милостивый государь, пропадать изволили, нерачительны вы стали к службе отечеству и государыне, — игриво сказала она.

Она любила игривость и на склоне лет.

Но когда она протянула ему свои объятия, Мамонов не двинулся.

— Матушка-государыня, я всегда был откровенен. Я не могу больше нести свои обязанности при особе вашего величества.

Этого оскорбления Екатерина не ожидала. Он смеет первый от нее отказаться!

К этому Екатерина не привыкла. Все, кроме Ланского, изменяли ей. Но они скрывали свои приключения, боялись потерять милость государыни и не выходили из границ верноподданнического повиновения. В своем самодержавном деспотизме Екатерина желала закрепостить и сердца своих подданных.

— В чем дело, милостивый государь? — гордо спросила она. — Вы забываетесь.

— Я полюбил другую, ваше величество.

— Кого?

— Княжну Елисавету Щербатову. Я прошу разрешения вашего величества на брак с нею, который в настоящее время является необходимостью.

— Хорошо. Я разрешаю. Но предваряю вас, что считаю вас государственным преступником: зная, сколь моя жизнь нужна для России, вы расстраиваете свою государыню, которой нужно полное спокойствие и равновесие для государственных дел.

Мамонов смущенно поклонился и убежал.

А Екатерина глухо зарыдала, думая о том, что глупая, неразвитая девчонка, едва появившись во дворце, отбила у нее, гениальной, философски образованной женщины, венценосной императрицы, любимого человека, А почему? Потому что ей семнадцать лет.

Ни ореол царского венца, ни сияние гения, ни мудрость, ни красота души — ничего не в состоянии соперничать с молодостью.

Императрица вспомнила дворцовую горничную, в которую влюбился Потемкин. Она тогда попросила Шешковского убрать ее куда-нибудь. Но она вовсе не требовала, чтобы ее убили, она требовала только, чтобы девушка была заключена куда-нибудь навеки за то, что осмелилась соперничать с государыней... Чтобы она не могла никогда выйти из заключения.

Шешковский перестарался. Он замуровал девушку в стену. Она никогда оттуда не выйдет. Но разве государыня виновата, что у нее слишком старательные слуги? Разве она просила убить Петра III? Никогда. Орловы сами это сделали. В конце концов ведь нельзя их обвинять за то, что они любят государыню и не щадят никого, обе-

регая ее душевный покой, столь необходимый ей для несения государственных трудов.

Екатерина вздохнула. Мамонов далеко не такой, как Орловы и Шешковский. Он нанес ей жесточайшее оскорбление. А как он смотрел на нее! Она читала в его глазах нескрываемое, очевидно давно таившееся в глубине души отвращение. И что же? Он будет наслаждаться счастьем с молодой женой!... Будет ей рассказывать о том, как бросил, оттолкнул ради нее гордую императрицу, северную Семирамиду, красоту и мудрость которой воспевали все поэты и философы мира. Вольтер, Дидро и Гримм ей поклоняются. Державин поет ей оды, как Фелице, и сонеты, как женщине. А какой-то Мамонов бросает ради ничтожной, пустой и ветреной девчонки победоносную устроительницу русской земли, продолжательницу Петрова дела... Надо отомстить...

Но как? Отравить Щербатову?... Конечно, это очень легко.

Но Мамонов и другие догадаются. И наконец. не надо больше крови, не надо смерти.

Смерть разве наказание? Смерть — покой, небытие. А ей хочется наказать дерзкую так, чтобы она всю жизнь помнила нанесенное ей оскорбление.

Императрица долго думала и наконец выдумала.

Свадьба Мамонова по желанию императрицы была отпразднована пышно и весело. Государыня уже утешилась как любовница. Анна Нарышкина представила ей Платона и Валерьяна Зубовых. Оба брата произвели на царицу чарующее впечатление, и оба сделались ее фаворитами.

Но оскорбленная царица утешиться не могла.

Конечно, она не показала Лизаньке своей ненависти. Она подарила Мамонову три тысячи душ крестьян в виде свадебного подарка. Надо же заботиться о народе и дать народным душам хозяина в чьем-нибудь лице...

Лизанька Щербатова была тронута добротой государыни, которая сама одевала ее к венцу и подарила молодой десять тысяч рублей золотом на счастье, жениху — два бриллиантовых кольца для обручения огромной стоимости.

Лизаньке даже было жаль, что она обидела государыню и венчается с ее фаворитом. Под венцом она все плакала.

Поздравив молодых и выпив шампанского за их благополучие, Екатерина удалилась в свои покои.

Через четверть часа к Мамонову явился дежурный офицер с приказом немедленно оставить Петербург с молодой женой. Тут же ему был передан пакет с миниатюрным его собственным портретом, который царица всегда носила на груди. Портрет был изуродован.

Мамонов с женою поселился в Москве и весь отдался своему счастью.

Через две недели, которые пролетели в сладком уютном уединении, молодые однажды гуляли в парке, потом вернулись в свою спальню, предвкушая новые наслаждения любви.

Неожиданно из темноты выскочили солдаты. В один миг граф и графиня были связаны.

Мамонов закричал, но знакомый голос сказал ему:

— Замолчите, ваше сиятельство. Кричать бесполезно. Никто не посмеет явиться сюда.

Мамонов узнал голос московского полицмейстера.

— По какому праву производится такое насилие? — спросил он.

— По указу государыни, против которого всякое право бессильно, — ответил полицмейстер.

Мамонова привязали к креслу. Зажгли лампу... И несчастный увидел, что солдаты срывают платье с его молодой жены... На вопли ее никто из слуг не прибежал. Очевидно, все заранее получили приказ, как себя вести.

Надругавшись над бедной графиней, солдаты избили ее плетью, превратив ее спину в сплошную кровавую рану.

Исполнив в точности указ императрицы, полицмейстер с солдатами удалился.

Явились слуги. Мамонова отвязали от кресла, привели в чувство несчастную женщину. Оба долго были больны. Выздоровев, Мамонов уехал с обиженной женой, жертвой низкой мести, за границу, покинув страну, где "всякое право бессильно перед указом свыше".

Однако злоупотребления властью возможны везде и при всяком строе, даже при республике. Достаточно вспомнить Венецию средних веков или Вторую римскую республику.

Что же из этого следует? А то, что ни один человек не должен иметь над другими никакой власти. Но вряд ли это возможно.

Честолюбивый и надменный Платон Зубов вскоре вытеснил брата из сердца императрицы. Валерьян был случайным фаворитом, и Платон сумел подчинить себе государыню, женственная душа которой до смерти осталась верна себе и жаждала подчинения сильной мужской воле. Она ни в чем не могла отказать своему любовнику.

Платону Зубову было всего двадцать три года, но он был холодно-расчетлив и бесстыдно циничен. Он добивался положения фаворита еще при жизни Ланского, но вытеснить красавца Сашеньку из серца императрицы было невозможно. Потом царица привязалась к Мамонову, и Зубов терпеливо ждал, чтобы ее увлечение прошло.

Нарышкина уверила царицу, что Зубов безумно в нее влюблен, и самонадеянная Екатерина, которая и в старости была убеждена, что сохранила свою красоту и обаяние, охотно этому поверила.

А Зубов, сделавшись временщиком, стал необыкновенно наглым и требовательным. Это был Орлов конца царствования. Но Орлов был груб только с Екатериной, а с окружающими очень вежлив, корректен. Зубов был высокомерен и заносчив. Он наносил непростительные дерзости наследнику престола Павлу Петровичу, твердо уверенный, что Павел царствовать не будет, потому что Екатерина говорила ему о своем завещании. Один раз, когда цесаревич приехал к нему с визитом по настоянию матери, Зубов заставил его ждать более часа в приемной, а потом выслал сказать, что занят и принять великого князя не может. И когда Павел взошел на пре-

стол, то Зубову пришлось валяться пред ним на коленях, вымаливая себе прощение. Все свои наглые выходки он свалил на покойную императрицу, уверяя, что она от него требовала такого отношения к цесаревичу.

Когда императрица приблизила к себе Зубова, Потемкин был в Яссах. Конечно, всесильный князь Тавриды вскоре узнал, что у царицы появился "больной зуб", как называли Зубова при дворе. Потемкин был угрюм и озлоблен, а когда ему сообщили, что Екатерина возвела Зубова в княжеское достоинство, то с ним сделался припадок бешенства. Он перебил всю посуду, все дорогие вазы, изломал всю мебель, избил своих слуг и велел выпороть свою любимую крепостную наложницу. Светлейший князь не умел гневаться, не проявляя своего гнева. Ему хотелось, чтобы все чувствовали его настроение.

Обыкновенно фавориты получали графский титул. Екатерина поставила ничего не сделавшего для родины мальчишку рядом с ним, гениальным полководцем, героем трех кампаний, завоевателем Новороссии и Крыма...

— Или я, или Зубов! Кто-нибудь из нас должен умереть.

Потемкин задумал отравить Зубова, подобно тому, как отравил великую княгиню Наталью Алексеевну и Ланского, а может быть, еще кого-нибудь, о ком история не знает. Он не задумывался над средствами, когда надо было устранить человека с дороги.

Он решил ехать в Россию. Заложили его роскошную карету, и он приказал:

— Ехать в Николаев.

Вся его свита выехала с ним из Ясс.

Но на первой же остановке с ним сделался тяжелый сердечный припадок, и он умер. Зубов победил.

Известие о его смерти произвело на Екатерину потрясающее впечатление. Она впала в такое отчаяние, что пришлось пустить ей кровь.

Императрица заперлась в своих покоях, неутешно рыдая.

Через три дня она издала великолепный манифест и составила грамоту с перечислением всех подвигов Потемкина, которая до сих пор хранится в Херсонском соборе. Приказано было воздвигнуть светлейшему князю Тавриды памятник в Херсоне.

Труп светлейшего перевезли в Яссы, а потом с пышным кортежем доставили в Херсон, где похоронили в склепе Святой Екатерины. На месте его кончины также поставили памятник.

Но император Павел, едва взойдя на престол, велел уничтожить памятник, а склеп с гробом фаворита засыпал землей.

Павел находил, что Потемкин сделал России больше зла, чем добра. Он не мог простить ему также роли поставщика наложников императрицы, его матери. Угождая низменным инстинктам Екатерины, Потемкин поощрял перемену фаворитов и за каждого угодившего царице наложника получал от нее милости и награды. Но нельзя отрицать за светлейшим сводником и больших заслуг. Он был способен, умен, предприимчив и отважен. Приобретение Крыма и Новороссии обогатило Россию, дав ей прелестные и плодородные юж-

ные провинции. Необходимо уметь отделять личную жизнь от общественной. Иногда человек, который идеален в личной жизни, совершенно ничтожен и не нужен для общества. И бывают люди распутные и порочные, жизнь которых очень ценна и важна для истории.

Потемкина упрекают в том, что он задержал либеральные реформы Екатерины, но она никогда не была либеральной. Еще Потемкин не был ее фаворитом, когда она издала указ о разрешении продавать крестьян отдельно от земли.

Когда французские революционеры, свергнув Людовика XVI, попросили Екатерину прислать республиканскому Парижу свой портрет в знак сочувствия вольтерьянским идеям, она прямо ответила:

“Самая аристократическая из европейских императриц никогда не пришлет своего портрета людям, свергнувшим монархию“.

Надо только изумляться наивности Больи и других французских революционеров, искавших сочувствия у самой крепостнической из русских цариц. Они были обмануты ее письмами к Вольтеру, Дидро и Гримму. Но неужели они не знали о том, что творится в России?

По смерти Потемкина Платон Зубов до смерти Екатерины оставался полновластным хозяином России и царскосельского двора.

Он был теперь первым лицом в России. В приемной фаворита всегда толпились царедворцы и министры, угодничавшие перед всесильным наложником старой царицы. Зубов обращался с ними как с лакеями. Сидя в пудермантеле перед зеркалом, он принимал сановников в то время, как парикмахер пудрил его парик, а камердинер обувал его ноги в шелковые чулки и туфли с бриллиантовыми пряжками. Он долго не замечал присутствия вошедшего, притворяясь, что читал деловые бумаги, а потом протягивал свою руку для поцелуя, как император.

И до того угодливы люди высших сфер, что пожилые сановники целовали руку этому мальчишке, сделавшему карьеру в спальне коронованной женщины, потому что иначе им грозила немилость царицы, баловавшей свое последнее “дитя“.

Только истинный философ ни перед кем не станет унижаться, потому что он ничего не ищет. Его человеческое достоинство ему дороже всего в мире. А люди, которые ищут карьеры и обманчивого почета у сильных мира сего, способны унижаться даже перед презреннейшими ничтожествами, если в руках этих ничтожеств сосредоточена временно власть.

Екатерина в это время и сама дошла до апогея надменности и абсолютизма. После раздела Польши ей доставили из Варшавы трон польских королей. Чтобы показать придворным свое отношение к Понятовскому, она велела сделать отверстие в сиденье и поставила королевский позолоченный трон в своей уборной, чтобы он служил ей при отправлении человеческих потребностей.

На этом троне, за отправлением потребностей, она и скончалась.

Платон Зубов любил только деньги. Он был невероятно жаден и прожорлив. В то время, как Ланской и Мамонов увлекались искусством, покупали картины, статуи, камеи, Зубов выпрашивал имения, крестьян и денег для себя и родных. Он в течение двух лет получил 3 500 000 рублей серебром, что в ту эпоху было крезов-

ским состоянием. И это кроме земель и крестьянских душ. Впрочем, Потемкин и Безбородко получили по пятидесяти миллионов рублей наличными деньгами, кроме того, что украли, управляя государством.

Пять братьев Орловых стоили Екатерине больше семнадцати миллионов рублей, опять-таки помимо земель и крестьян, души которых в то время имели денежную стоимость.

Ланской обошелся около восьми миллионов, и даже Корсаков и Зорич, удержавшиеся в роли фаворитов очень недолго, получили по миллиону.

Кроме этого все они делали долги, и царице приходилось платить их из кабинетских денег.

Английский посланник Гаррис и Кастера, известный историк, вычислили, во что обошлись России фавориты Екатерины II.

Наличными деньгами они получили от нее более ста миллионов рублей. При тогдашнем русском бюджете, не превышавшем восьмидесяти миллионов в год, это была огромная сумма.

Кроме того, семейство Орловых получили 50 000 крестьян, несколько дворцов, много драгоценностей и посуды, в общем на 17 000 000. Вот откуда взялось богатство этой и до сих пор одной из самых богатых русских семей.

Васильчиков имел семь тысяч крестьян, дворец, посуду на полмиллиона рублей, годовую пенсию в 20 000 рублей.

Потемкину было пожаловно сорок тысяч крестьян и на девять миллионов рублей дворцов, посуды, драгоценностей.

Стоимость принадлежавших фаворитам земель была не менее огромна. Крестьянская "душа" также стоила не менее трехсот рублей. Значит, у Орловых было еще пятнадцать миллионов, если перевести каждую "душу" на деньги.

Кроме официальных фаворитов у Екатерины было еще бесчисленное множество связей, которые продолжались всего одну ночь, но стоили очень дорого, потому что за каждую ночь она платила не менее ста тысяч рублей да еще в придачу имение, тысячу душ и пожизненную пенсию.

Неудивительно, что фаворитизм в России считался стихийным бедствием, которое разоряло всю страну и тормозило ее развитие. Деньги, которые должны были идти на образование народа, развитие искусств, ремесел и промышленности, на открытие школ, уходили на личные удовольствия фаворитов и уплывали в их бездонные карманы.

Все роптали. Иностранная политика постоянно колебалась. Один фаворит стоял за Францию, и Екатерина склонялась на сторону французской политики. Другой симпатизировал Пруссии, и царица изменяла курс политики. И так без конца.

Внутри страны шли бунты, волнения, тайные канцелярии свирепствовали, удары бича и плетки свистели над страной, начальство воровало, помещики истязали крестьян.

Помимо этого нравственное влияние таких примеров было ужасно. При дворе царил непрерывный скандал. Даже внуки внучки императрицы знали о фаворитах, и она никого не стеснялась — ни сы-

на, ни невестки, ни своего любимца великого князя Александра Павловича. Великая княжна Александра Павловна сделалась невестой шведского короля Христиана. Король приехал в Петербург, и обручение состоялось. Но, познакомившись с жизнью Екатерины, с ее фаворитами и с их бесконечной наглостью, король убежал в Швецию и отказался от невесты, не желая жениться на девушке, выросшей при таком развратном дворе. А между тем Александра Павловна была очень милой и скромной девушкой, но ей пришлось пострадать за грехи бабушки, о бесстыдстве которой говорила вся Европа.

Высшее общество было развращено примером государыни, и в среде аристократических семейств царил такой же разврат.

Екатерина издала указ, который разрешал художникам свободно входить в народные бани, чтобы изучать человеческое тело по живым моделям.

Впрочем, в ее время в банях мылись мужчины и женщины вместе.

В последние годы жизни у нее появилась страсть к молодым девушкам, и она устраивала с ними так называемые лесбийские игры. Этим пороком часто страдают высокопоставленные старухи, но во времена крепостного права было легче находить материал для его удовлетворения в лице крепостных девушек: беззащитные рабыни, душой и телом принадлежавшие господам, должны были подчиняться безобразному разврату своих барынь. У Екатерины была огромная девичья, которую она развращала.

Удивительно ли, что русское общество, особенно высшее, отличалось глубокой развращенностью во времена Екатерины? Эта развращенность расцвела пышным цветом еще благодаря насажденному Екатериной рабству.

В 1794 году Екатерины не стало, в то время как во Франции восходила звезда Наполеона Бонапарта.

Кроме фаворитов Екатерину разоряли еще придворные сводницы — графиня Брюс, Нарышкина и другие, среди которых играла не последнюю роль графиня Ливен. Все эти дамы рекомендовали царице любовников на час, а иногда и фаворитов. Брюсочка выставила кандидатуру Потемкина, а Нарышкина получила огромные награды и милости за последнюю весну императрицы в лице Платона Зубова. На какие только гадости не способны люди, ищущие выгод и милостей высших!...

Несмотря на все чудовищные легенды о разврате Екатерины, она была окружена молоденькими фрейлинами из знатных семей: среди них можно назвать княжну Шербатову, графиню Бибикову, Потоцкую, Бутурлину, племянниц Потемкина, пять сестер Энгельгард. Екатерина обращалась с ними строго, и за особые провинности фрейлин до крови секли розгами в ее присутствии, особенно за кокетство с фаворитами.

Заметив, что фрейлина Эльмит уединяется с фаворитом Ермоловым и явно показывает ему знаки своего расположения, Екатерина велела солдатам высечь девушку до крови в присутствии всех других одиннадцати фрейлин и отправила опозоренную аристократку домой.

После этого фрейлины были осторожнее, но месть императрицы, как видели читатели на примере Мамоновых, настигала их и после того, как они делались женами фаворитов. И все терпели, не смея протестовать!.

Чего только не терпела Россия!

Никакое зло не проходит бесследно, и слезы страдания смыть нелегко.

До сих пор Россия расплачивается за деспотическое правление Екатерины, которая умела все предвидеть только для себя, но не предвидела ничего для своих потомков.

Укрепляя рабство и самодержавие, она толкнула своих преемников в глубокую пропасть.

КОММЕНТАРИИ

Монографию М. Евгеньевой отличают ряд особенностей: 1 — спорность некоторых фактов и утверждений; 2 — субъективизм в компоновке и оценке характеров исторических лиц и событий. Все это потребовало развернутого историко-биографического комментария.

К стр. 3 Фридрих II Великий (1712 — 1786) - прусский король с 1740 год из династии Гогенцоллернов, полководец и политик.

К стр. 7 Кирилл Григорьевич Разумовский (1728 — 1803) — граф, последний гетман Украины (1750 — 1764), президент Петербургской Академии наук (1746 — 1798). После упразднения гетманства — генерал-фельдмаршал.

К стр. 9 Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693 — 1766) — граф, русский государственный деятель. Получил образование за границей и в ранней молодости начал службу в русских дипломатических миссиях при европейских дворах. Как дипломат и политик проявил много ловкости и изворотливости. При Анне Бестужев-Рюмин сблизился с Бироном и стал членом кабинета. Падение Бирона прервало его карьеру, но ненадолго. При Елизавете Бестужев-Рюмин быстро пошел в гору, в 1744 году сделался канцлером и получил руководство внешней политикой. Верный традициям бироновщины, он направил политику в сторону сближения с Англией и Австрией и расхождения с Пруссией и Францией. Участие России в Семилетней войне было в значительной степени делом Бестужева-Рюмина. Это вызвало враждебные отношения между ним и наследником (будущим императором Петром III), поклонником Пруссии. Бестужев_Рюмин стремился в случае смерти Елизаветы возвести на престол Екатерину помимо Петра, о чем вел с ней тайные переговоры. Однако положение его уже пошатнулось. Неудачи его политики, особенно в отношении с Англией (которая стала на сторону Пруссии) и сношения с Екатериной, вызвали против него со стороны партии наследника обвинения в интригах. Бестужев-Рюмин был лишен всех чинов и сослан в деревню. Возвращенный ко двору с воцарением Екатерины, он уже не сумел восстановить свое прежнее значение.

К стр. 14 Панин Никита Иванович (1718 — 1783) - граф, русский государственный деятель и дипломат. С 1747 г. посланник в Дании, Швеции. Участник дворцового переворота 1762 г. Воспитатель Павла I. С 1763 г. руководил Коллегией иностранных дел. Автор конституционных проектов. С 1781 г. в отставке.

К стр. 17 Воронцовы, русский дворянский род, прекратившийся во второй половине XIX в. Наиболее известны в русской истории Воронцовы — вельможи XVIII — XIX вв., потомки небогатого служилого дворянина Петровской эпохи, ростовского воеводы Иллариона Гавриловича Воронцова: граф Михаил Илларионович Воронцов (1714— 1767), камер-юнкер цесаревны Елизаветы Петровны, один из главных деятелей переворота 25 ноября 1741 г., доставившего ей императорский престол. Воронцов был щедро награжден императрицей богатыми поместьями и чинами и женился на двоюродной сестре императрицы графине А.К. Скавронской; в 1744 г. назначен вице-канцлером. Сторонник сближения России с Францией, Воронцов был скоро отстранен от дел А.П. Бестужевым; позднее, замешанный в дело Лестока, попал в опалу, и только в 1753 году к нему вновь вернулись милости императрицы. После падения Бестужева Воронцов был назначен великим канцлером (1758); этот пост он занимал и при Петре III и при Екатерине II, несмотря на личную неприязнь к нему императрицы. Оставаясь в значительной степени декоративной фигурой в области внешней политики, Воронцов до смерти пользовался большим влиянием в придворных кругах; так, есть основание предполагать, что его отказ присягнуть Екатерине II при живом еще императоре заставил Алексея Орлова поспешить с убийством Петра III; Воронцов же с Н.И. Паниным помешал и формальному браку Екатерины II с Григорием Орловым. Несмотря на богатые подарки, Воронцов при безумной роскоши тогдашнего двора постоянно нуждался в деньгах, выпрашивал у императрицы Елизаветы новые пожалования и, пользуясь высоким положением первого сановника империи, пускался даже в коммерческие предприятия весьма сомнительного свойства. Граф Роман Илларионович Воронцов (1707 — 1805), старший брат Михаила Воронцова. Благодаря влиянию младшего брата занимал видные должности при императрице Елисавете, которой помогал деньгами, когда она была цесаревной, и при Петре III. При Екатерине II был сначала в немилости, после — наместником владимирским, пензен-

ским и тамбовским. Известный под прозвищем "Роман-большой карман", Воронцов был одним из наиболее жадных и бесстыдных лихоимцев того времени ("признанный лихоимец", по словам князя Щербатова) и славился умением обделывать самые вопиющие беззакония. Из его дочерей старшая — Елизавета (1739 — 1792) была фавориткой Петра III, младшая — Екатерина (1743 — 1810) — впоследствии известная княгиня Дашкова.

К стр. 26 Безбородко Александр Андреевич (1747 - 1799) — князь и канцлер, государственный деятель времен Екатерины II и Павла I. Происходил из украинской казачьей старшины, обучался в Киевской духовной академии. Поступил на службу в канцелярию малороссийского генерал-губернатора графа Румянцева, участвовал в Первой турецкой войне, вел работу советника по иностранным делам, заключил мир с Турцией в Яссах, которым окончилась в 1791 г. Вторая турецкая война.Безбородко передал Павлу I при вступлении его на престол бумаги Екатерины II, касавшиеся задуманного ею плана устранения Павла от престола. За это Павел дал Безбородко чин канцлера, титул князя и несколько тысяч душ крестьян сверх полученных от Екатерины.

К стр. 28 Новиков Николай Иванович (1744 — 1818) — русский просветитель, писатель, журналист, издатель. В издаваемых им сатирических журналах "Трутень", "Живописец", "Кошелек" выступал против крепостного права. Организатор типографий, библиотек, школ в Москве, книжных магазинов в 16 городах. В 1770 г. примкнул к масонам. В 1792 — 1796 гг. по приказу императрицы Екатерины II заключен в Шлиссельбургскую крепость. Освобожден при Павле I.

К стр. 32

Гримм Фредерик Мельхир (1723 — 1807) — барон, литератор и дипломат. Один из участников кружка энциклопедистов, друг Дидро и Гольбаха, главный из западноевропейских корреспондентов и советников Екатерины II. В 1748 г. Гримм приехал в Париж, где с 1753 г. начал издавать рукописный журнал, подписчиками которого были почти все коронованные представители "просвещенного абсолютизма". В 1773 г. Гримм вместе с Дидро приехал в Петербург. Хорошо известный Екатерине и ранее, он попадает теперь в исключительный фавор и доверие. После поездки по Европе с сыновьями графа Румянцева Гримм вернулся в Петербург и поступил на русскую дипломатическую службу (президент в Готе, а с 1795 г. — в Гамбурге). Гримм резко отмежевывается от Французской революции и в 90-х гг. порывает с Францией.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгеньева Мария

Любовники Екатерины

Издание осуществлено по тексту:
Евгеньева М. Любовники Екатерины. М. Издательство "Воля"
Оформление художника Сурикова В.В.
Корректор Шаховцева И.В.

Сдано в набор 11.05.90 г. Подписано в печать 29.05.90 г.
Формат 60 * 90 1/16. Бумага № 1. Гарнитура Таймс.
Учетно-издательских листов 4.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 941 . Цена 3 р.

Отпечатано на полиграфическом предприятии "Офсет".

3 руб.